ЛИНА ВИ

ГЛАВРЕД

Лина Ви

ГЛАВРЕД

«Автор»
2026

Ви Л.

ГЛАВРЕД / Л. Ви — «Автор», 2026

Кира Соколова привыкла добиваться всего сама. Три года в издательстве «Вершина», собственная редакция и амбиции, которые она никогда не скрывала. Кира была уверена: следующая ступень её карьеры — должность главного редактора. Но её занимает Антон Черкасов — новый руководитель, с которым теперь придётся делить не только рабочее пространство, но и право принимать решения.Для Киры он незнакомец. Для Антона — совсем нет. Их пути пересекались ещё в университетские годы, когда в жизни девушки был Игорь — человек, оставивший болезненный след в её прошлом. С тех пор Антон следил за её профессиональным ростом, читая её публикации.Рабочие споры постепенно сменяются взаимным интересом, но громкий издательский проект оборачивается скандалом, ставя под угрозу репутацию «Вершины» и карьеру Киры.Сможет ли она сохранить то, чего добивалась годами, и разобраться в чувствах, которые совсем не входили в её планы?

© Ви Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. 10
Глава 2. 14
Глава 3. 23
Глава 4. 41
Глава 5. 53
Глава 6. 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Лина Ви
ГЛАВРЕД

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.
Глава 1.
Глава 2.
Глава 3.
Глава 4.
Глава 5.
Глава 6.
Глава 7.
Глава 8.
Глава 9.
Глава 10.
Глава 11.
Глава 12.
Глава 13.
Глава 14.
Глава 15.
Глава 16.
Глава 17.
Эпилог.

Пролог

Последний звонок для выпускников отгремел ещё час назад. Для меня же это был просто конец первого курса.

Главный коридор журфака гудел так, будто здание пыталось пережить собственный праздник. В воздухе смешались запах мела, дешёвых духов и свежей краски — ею наспех замазали облупившиеся стены перед торжеством. Кто-то фотографировался у стендов, кто-то орал через весь этаж, размахивая зачёткой. Смех, объятия, крики, бесконечные «мы сделали это».

Я смотрела на всё это будто через стекло. Стояла у стены, прислонившись к холодной кафельной плитке цвета старого чая — той самой, где студенты годами выцарапывали монетками свои инициалы.

И смотрела на Игоря.

Он всегда умел быть центром любой комнаты, даже если ничего для этого не делал. Белая рубашка — слегка мятая, рукава закатаны до локтей. Солнечный свет из высокого окна цеплялся за его волосы, за линию плеч, за эту невозможную уверенность человека, который заранее знает, что мир будет к нему добр.

Вокруг него уже собралась привычная компания. Кто-то смеялся над его шутками чуть громче, чем нужно. Кто-то ловил каждое слово так внимательно, будто оно могло изменить жизнь. Игорь улыбался — легко, спокойно, словно всё происходящее было для него естественным состоянием. Наверное, так и было.

А я всё стояла у стены, сжимая ремешок холщовой сумки так сильно, что пальцы начали неметь. Через минуту мне предстояло подойти к нему и сказать вслух то, о чём я молчала весь год.

Смешно. После всех экзаменов, дедлайнов и бессонных ночей именно это казалось самым страшным.

Я машинально провела ладонью по волосам. Сегодня без привычной косы — русые пряди свободно лежали на плечах, и от этого я чувствовала себя почти чужой самой себе. Но так было нужно. Я не хотела выглядеть девочкой, которая смотрит на него снизу вверх и хранит вырезки с его фотографиями. Не после этого года.

Лучший средний балл на потоке. Ни одного проваленного материала.

Ни одной поблажки. Я пришла сюда не за красивым воспоминанием. Просто… устала прятаться от самой себя.

«Это не катастрофа», — упрямо повторяла я, разглаживая ладонями льняное платье. — «Ты не просишь взаимности. Не унижаешься. Просто скажешь правду — и всё закончится». По крайней мере, именно так это звучало у меня в голове.

Я дождалась, пока вокруг него станет чуть свободнее. Кто-то ушёл фотографироваться, кто-то потащил остальных в буфет, и шум вокруг наконец рассеялся.

Вот сейчас.

Сердце заколотилось так резко, что я почувствовала это в горле. Я оттолкнулась от стены и шагнула вперёд. Подошвы туфель тихо липли к старому линолеуму, ладони стали холодными, а дыхание почему-то приходилось контролировать почти сознательно. Слишком поздно отступать.

— Игорь, можно тебя на минуту? Не для поздравлений.

Мой голос прозвучал неожиданно ровно.

Он обернулся почти сразу, и я заметила, как изменилась его улыбка. Ещё секунду назад — живая, расслабленная, обращённая сразу ко всем вокруг. Теперь — вежливая и внимательную

ная. Та самая версия Игоря, которую любили преподаватели, организаторы конференций и люди, плохо его знавшие.

— Для тебя всегда найдётся минута, Кир, — сказал он тепло. Слишком тепло. — Что случилось?

На секунду захотелось сбежать. Просто сказать какую-нибудь глупость про журнал, про летнюю практику — и закончить на этом. Но я уже зашла слишком далеко. Я подняла взгляд на его лицо.

— Я хотела сказать спасибо. За этот год.

Он чуть нахмурился — скорее от неожиданности, чем от непонимания. Теперь он слушал по-настоящему.

— Ты… — я запнулась и тут же мысленно выругалась на себя. — Ты был для меня доказательством, что этой профессией можно жить всерьёз. Не просто учиться, не просто выживать от сессии до сессии.

Я нервно сжала пальцы на ремешке сумки.

— Когда ты что-то делал, это всегда выглядело так, будто тебе действительно не всё равно. И рядом с тобой тоже хотелось стать лучше.

Господи. Назад дороги уже не было. Я заставила себя продолжить:

— Наверное, в какой-то момент я в тебя влюбилась.

Шум коридора вдруг стал очень далёким. Игорь замер. Я увидела, как в его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность — быструю, человеческую, почти настоящую. И исчезло. Маска вернулась мгновенно. Только теперь я впервые поняла, что это именно маска.

— Я не говорю это потому, что чего-то жду, — быстро добавила я. — Правда. Просто… мне было важно сказать честно. И закончить с этим нормально.

Я попыталась улыбнуться, но получилось плохо.

— Чтобы со следующего года смотреть на тебя как на бывшего студента журфака, а не как на центр собственной маленькой эмоциональной катастрофы.

На этот раз он не улыбнулся в ответ.

После моих слов стало тихо. Не полностью — где-то в конце коридора всё ещё смеялись, хлопнула дверь аудитории, кто-то громко позвал друга по имени. Но здесь, вокруг нас, воздух будто застыл.

Я заметила, как девушка рядом с Игорем — высокая, с идеально уложенными волосами и слишком откровенным для журфака топом — скользнула по мне взглядом. Без злости. Даже без насмешки. Скорее с любопытством, будто пыталась понять, что именно во мне дало сбой, раз я решила сказать такое вслух.

Щёки вспыхнули жаром. На секунду захотелось исчезнуть, сделать вид, что это шутка. Что я просто неудачно пошутила. Но я уже всё сказала.

Я выпрямилась и заставила себя смотреть Игорю в глаза. И тогда он улыбнулся. Только теперь — совсем иначе. Так улыбаются люди, которые внезапно почувствовали себя очень уверенно в чужой уязвимости.

— Господи, Кира… — выдохнул он почти ласково.

От этого тона внутри сразу стало холодно.

— Это очень… по-первокурснически.

Кто-то рядом неловко кашлянул. Игорь сделал небольшой шаг ближе. Теперь нас разделяло меньше полуметра, и я слишком отчётливо почувствовала запах его парфюма — древесный, тяжёлый, уже знакомый до боли.

— Ты правда думаешь, что знаешь меня? — тихо спросил он.

Я ничего не ответила. Потому что впервые начала понимать: нет. Не знаю. Он чуть склонил голову, разглядывая меня так внимательно, будто пытался подобрать правильные слова.

— Ты влюбилась не в меня, Кир, — сказал он мягко. — А в картинку. В человека, которым здесь все восхищаются.

Его пальцы легко коснулись выбившейся пряди у моего виска, убирая её назад. Жест был почти нежным. И от этого унижение ощущалось ещё сильнее.

— А я не очень хороший объект для таких историй.

Последняя фраза прозвучала спокойно. Без сожаления. Как факт, который он давно о себе знал. Он отступил на шаг, и всё изменилось мгновенно. Будто предыдущего разговора вообще не было.

— Беги лучше, — бросил он уже через плечо, снова легко и беззаботно. — У тебя ещё есть время разобраться, что именно ты чувствуешь.

Кто-то рядом засмеялся. Игорь тоже улыбнулся — привычно, ярко, словно ничего не произошло. Потом отвернулся окончательно и почти сразу растворился в своей компании: в голосах, шутках, хлопках по плечу.

Меня там больше не существовало. Несколько секунд я просто стояла. Слышала шум вокруг. Чьи-то шаги. Музыку из актового зала этажом ниже. И собственное сердце — слишком громкое. Странно, но плакать не хотелось. Внутри будто что-то резко встало на место. Щёлкнуло. Боль никуда не исчезла — наоборот, стала почти физической. Но теперь она как будто оказалась заперта глубоко внутри, под чем-то тяжёлым и холодным.

Я выпрямилась. Лицо стало спокойным раньше, чем я успела об этом подумать. Наверное, именно так и появляются хорошие профессиональные маски — не когда ты учишься их носить, а когда однажды без них становится невозможно. Я развернулась и быстро пошла к лестнице. Главное — выйти отсюда раньше, чем кто-нибудь попытается заговорить со мной.

На площадке между этажами было почти пусто. Только солнечный свет бил в грязное окно, превращая пыль в воздухе в золотую взвесь. Я схватилась за холодные перила и наконец вдохнула.

Воздух входил тяжело. Слишком резко. Будто лёгкие забыли, как это делается нормально. Только сейчас меня начало трясти. И тут я услышала шаги. Быстрые. Слишком быстрые для пустой лестницы. Я машинально обернулась.

Это был тот самый парень с третьего этажа. Тот, которого я постоянно видела в коридорах и никогда толком не запоминала: тёмный свитер даже в мае, книга под мышкой, взгляд исподлобья, будто окружающий мир раздражал его одним фактом своего существования.

Он остановился в нескольких шагах от меня. Словно не ожидал, что действительно догонит. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Он дышал тяжело — то ли из-за лестницы, то ли, потому что вообще не должен был сюда идти. Лицо напряжённое, челюсть сжата так сильно, что на скулах дрожали мышцы.

Я смотрела холодно. Почти вызывающе. Только подойди. Только попробуй меня пожалеть. Кажется, он понял это сразу. Что-то в нём резко погасло. Он отвёл взгляд, коротко провёл ладонью по затылку и усмехнулся — нервно, почти зло, скорее над собой, чем надо мной.

— Настоящие вещи редко устраивают напоказ, — бросил он хрипло.

Будто сказал это раньше себе, чем мне. Потом качнул головой и добавил тише:

— А он слишком любит зрителей.

И, не дожидаясь ответа, быстро пошёл вниз по лестнице. Почти сбежал. Его шаги ещё несколько секунд глухо отдавались между этажами, а потом всё снова стихло.

Я осталась одна. Солнечный свет падал через грязное окно прямо на перила, резал глаза, делал пыль в воздухе почти золотой. Странно, но именно сейчас мне стало по-настоящему холодно. Я медленно провела ладонью по металлическим перилам и поправила часы на запястье — старые, с потёртым ремешком. Мама подарила их перед поступлением, сказав, что журналисту нельзя терять чувство времени.

Стрелка спокойно двигалась дальше. Мир не остановился. Ничего не рухнуло. Кроме чего-то внутри меня. Я глубоко вдохнула, выпрямилась и начала спускаться вниз. Медленно, уже без спешки. В тот момент мне казалось, что я просто пережила очень унизительный день. Я ещё не знала, что именно тогда начала учиться главному: никогда больше не отдавать людям власть видеть себя слабой.

Глава 1.

Издательский дом «Вершина» занимал верхние этажи одной из башен Сити. Каждое утро, поднимаясь сюда, я на секунду задерживалась у панорамных окон. Не из-за вида — к нему я давно привыкла. Скорее чтобы напомнить себе одну простую вещь: я это заслужила. Не красивую жизнь и не громкую должность, а право быть здесь.

Три года работы без выходных, ночные правки, тексты, переписанные с нуля, бесконечная гонка за дедлайнами — всё это наконец начало обретать форму чего-то настоящего.

До начала рабочего дня оставалось ещё минут двадцать. Я привычно прошла через просторное лобби, где пахло кофе и кондиционированным воздухом, и свернула в «ЭКспрессо» — маленькое кафе на цокольном этаже, которое давно стало частью моего утреннего ритуала.

— Твой латте и кофе для редакции готовы, — донёсся голос Лили ещё до того, как я подошла к стойке.

Она выставляла термокружки с таким видом, будто управляла не кофейней, а как минимум международной корпорацией.

— Иногда мне кажется, что ты знаешь мой график лучше меня, — усмехнулась я, забирая подставку со стаканами.

— Потому что в отличие от тебя я сплю больше четырёх часов.

— Наглая ложь.

Лили фыркнула и поставила рядом небольшую прозрачную коробку. Внутри оказался кусок вишнёвого торта. Мой любимый.

— Это взятка? — подозрительно спросила я.

— Это попытка заставить тебя поесть нормально хоть раз за неделю.

Я закатила глаза, но коробку всё-таки взяла.

— Между прочим, у меня были прекрасные выходные. Я даже ни разу не открыла рабочую почту.

Лили посмотрела на меня с откровенным недоверием.

— И сколько часов ты проспала после этого нервного срыва?

— Очень смешно.

Она улыбнулась, вытирая руки полотенцем. Рядом загудела кофемолка, перекрывая шум утренних разговоров.

— Кстати, — сказала Лили чуть громче, — тут болтали, что ваш Седов всё-таки собирается на пенсию.

Я замерла. Совсем ненадолго, но этого хватило. Лили сразу заметила.

— Вот-вот, — довольно протянула она. — Я это лицо знаю. Пахнет повышением?

— Не хочу заранее радоваться. — И это была правда. Слишком многое в моей жизни уже рушилось в последний момент. — Но… да. Очень хочется, чтобы эти три года были не просто очередным марафоном на выживание.

Лили посмотрела на меня поверх стойки — спокойно и уверенно, как человек, который давно всё решил за тебя.

— Кир, если это место не отдадут тебе, я лично приду туда и устрою маленький переворот.

Я невольно рассмеялась.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. А теперь иди спасать свой глянцевый мир.

Я толкнула тяжёлую стеклянную дверь, и прохладный воздух лобби сразу ударил в лицо. Пока лифт поднимался наверх, слова Лили продолжали крутиться в голове.

«Твой шанс».

Смешно, как одна фраза может полностью испортить человеку спокойное утро. Когда двери лифта открылись, этаж ещё был почти пуст. Я поставила подставку с кофе на длинный стол в буфетной — маленький утренний ритуал для команды — и на секунду замерла в тишине. Только гул серверов за стеной, тихий шум кондиционеров и далёкий город где-то внизу, под несколькими этажами стекла и бетона.

Пока никто не пришёл, я прошлась вдоль окон, открывая жалюзи. Солнечный свет сразу хлынул внутрь, отражаясь от соседних башен и превращая офис в сплошные золотые блики.

Издательский дом «Вершина» занимал несколько этажей этой башни, и каждый жил по своим правилам. На одном этаже круглосуточно воевал деловой «Эксперт». На другом шумел глянец «Glamour» — громкие созвоны, съёмки, коробки с одеждой у лифтов.

Наш этаж был другим. «Elite» никогда не был самым прибыльным журналом в холдинге. И точно не самым громким. Но, наверное, именно поэтому сюда почти не попадали случайные люди. За три года команда стала чем-то большим, чем просто редакция. Здесь спорили из-за заголовков так, будто от них зависела мировая экономика. Пили кофе литрами. Срывали дедлайны, спасали номера в последний момент и всё равно умудрялись делать журнал живым. И мне нравилось думать, что часть этой атмосферы создала именно я. Ощущением, что здесь людям действительно дают делать что-то важное. Даже сотрудники с других этажей это чувствовали. Когда кто-то заходил к нам из «Glamour» или новостного отдела, реакция почти всегда была одинаковой:

— У вас тут подозрительно спокойно.

Я обычно только улыбалась в ответ. Потому что знала: спокойствие — это тоже форма контроля.

— Если я сейчас скажу, что с твоим появлением солнце начинает светить прямо в наши окна, это будет слишком жалкой попыткой подлизаться к начальству? — раздался сзади голос Макса.

Я обернулась. Он стоял в дверях буфетной — помятые чиносы, взлохмаченные волосы, руки в карманах и лицо человека, который либо не спал всю ночь, либо очень старался создать такое впечатление.

— Нет, — невозмутимо ответила я. — Это просто объективная оценка ситуации. У нас действительно лучший вид в башне.

Макс фыркнул и сразу направился к кофе.

— Я так и знал. Меня сюда привёл первобытный инстинкт и запах бесплатного латте.

Он открыл холодильник — и тут же замер.

— О-о-о. А это что?

— Даже не думай. — Я мгновенно захлопнула дверцу раньше, чем он успел дотянуться до коробки с тортом.

— Какая ты жадная женщина.

— Это мой стратегический ресурс для выживания.

— Понял. Не трогаем священные артефакты.

Он всё-таки забрал свой кофе и опёрся бедром о столешницу.

— Кстати, Седов собирает всех шишек в конференц-зале в десять. Ты знаешь, что за срочная дипломатическая миссия?

Я пожала плечами слишком быстро.

— Скорее всего, очередное совещание по итогам квартала.

Слова прозвучали спокойно. Почти убедительно. Но внутри уже знакомо затянуло напряжением. А если сегодня? Мысль вспыхнула мгновенно — и так же быстро я попыталась её задавить. Не начинай заранее надеяться. Я машинально поправила часы на запястье. До десяти оставалось сорок минут.

— Слушай, — Макс прищурился, разглядывая меня поверх стакана, — ты выглядишь слишком собранной для человека, который якобы не нервничает.

— А ты выглядишь так, будто ночевал в контейнере для переработки винтажной одежды. Креативному директору обязательно быть креативным даже в выборе одежды?

— Удар ниже пояса. — Он трагически прижал руку к груди и согнулся пополам. — Между прочим, вчера был очень важный творческий вечер.

— Сколько было коктейлей на этом «творческом вечере»?

— Не разрушай магию искусства цифрами.

Я невольно усмехнулась. Вот за это я Макса и ценила — рядом с ним даже самые нервные дни становились чуть менее тяжёлыми.

— Кстати, в воскресенье собираемся у нас, — продолжил он уже спокойнее. — Почти вся наша элитовская секта будет. И прежде, чем ты соврёшь про дедлайны — нет, на этот раз не принимается.

В его голосе слышалась привычная насмешка, но взгляд был внимательный. Он действительно хотел, чтобы я пришла. Я отвела глаза к окну.

— Посмотрим, как пройдёт неделя.

— Кир.

— Что?

— Ты уже полгода говоришь «посмотрим».

Я тихо выдохнула. Справедливо.

— Ладно. Я постараюсь прийти.

— Вот это уже звучит как маленькая личная победа.

Он сделал последний глоток кофе и кивнул в сторону моего кабинета.

— А теперь иди. Тебе наверняка нужно ещё раз проверить все свои секретные папки перед великим советом редакторов.

— Всё давно готово, — автоматически ответила я.

В конференц-зале было непривычно тихо. Собрали только руководителей направлений и главных редакторов — без ассистентов, стажёров и привычной офисной суеты. От этого атмосфера становилась почти камерной. Мне это нравилось. Меньше шума. Меньше показательной активности. Больше сути.

У большого экрана стоял Николай Петрович Седов. Безупречный тёмный костюм, тонкие очки в стальной оправе, седые волосы аккуратно зачёсаны назад — он выглядел так, будто сошёл со страниц старого фильма про настоящих редакторов.

За три года в «Вершине» я многому у него научилась. Не только работе. Тому, как держать паузу во время переговоров. Как править текст так, чтобы автор не чувствовал себя уничтоженным. Как входить в комнату и не повышать голос, но всё равно оставаться человеком, которого слушают.

Седов никогда не пытался казаться современнее, громче или жёстче, чем был. И, наверное, именно поэтому его уважали все. Даже те, кто терпеть его не мог. Сейчас он выглядел уставшим. Это замечали уже давно: он чаще передавал встречи заместителям, раньше уходил домой, стал реже спорить на летучках. Слухи о его уходе ходили по редакции последний месяц. И всё равно мысль о том, что однажды его кабинет займёт кто-то другой, казалась неправильной. Я поймала себя на том, что слишком сильно сжимаю ручку.

— Итак, раз все в сборе, начнём, — сказал Седов, поправляя очки.

Голос звучал ровно, но медленнее обычного.

— Сначала коротко обсудим квартал, но перед этим… — он сделал паузу и ненадолго отвёл взгляд. — Думаю, многие уже понимают, о чём пойдёт речь.

В зале стало совсем тихо. Кто-то рядом закрыл ноутбук. Кто-то отложил телефон экраном вниз. Все ждали.

— Я много лет работал в этом доме, — продолжил Седов. — И, пожалуй, пришло время признать, что энергия уже не та, чтобы продолжать в прежнем темпе.

Он говорил спокойно и без лишнего драматизма. Наверное, именно поэтому это прозвучало так окончательно.

— Пора передавать всё дальше. Тем, у кого больше сил, амбиций и свежего взгляда.

У меня похолодели ладони. Вот он. Тот самый момент, ради которого последние три года я практически жила на работе. Седов медленно обвёл зал взглядом.

— Я хочу представить нового главного редактора «Вершины». Это человек, который уже давно доказал, что умеет не только держать высокий уровень, но и двигать издание вперёд. Прошу вас поддержать его так же, как когда-то поддерживали меня. Знакомьтесь — Антон Черкасов.

Имя прозвучало в тишине неожиданно громко. На секунду мне показалось, что я просто ослышалась. Антон Черкасов. Я знала это имя, все в индустрии его знали. Статьи, расследования, несколько громких проектов, о которых месяцами спорили в профессиональных чатах. Человек, который появлялся в медиапространстве редко — и почти никогда не давал интервью. Но я никогда не видела его вживую.

Он стоял чуть в стороне, у стены, и до этого момента я почему-то совсем его не замечала. Высокий. Тёмный свитер с закатанными рукавами, простая рубашка. Никакого показательного лоска, к которому в «Вершине» все давно привыкли. Он выглядел слишком спокойно для человека, которого только что назначили руководить целым издательским домом, словно вообще не считал происходящее событием.

Потом он поднял взгляд и на долю секунды наши глаза встретились. Странное ощущение закрытости пробрало меня с головы до пят, будто всё происходящее здесь находилось от него на огромном расстоянии. Я смотрела на него — и никак не могла совместить реальность с тем, что происходило у меня в голове последние несколько месяцев.

Никакого повышения. Никакого «твоего часа». Никакого кабинета Седова. Я вдруг слишком отчётливо почувствовала собственные ладони, всё ещё сжимавшие ручку так, что пальцы побелели.

Новый главный редактор слегка кивнул залу — спокойно, почти формально. Ни тени триумфа, от чего почему-то стало только хуже.

Глава 2.

Антон Черкасов сделал шаг вперёд и наконец улыбнулся. Улыбка оказалась неожиданной. Не той идеально выверенной корпоративной версией, которую обычно надевают люди на подобных собраниях, без показательной уверенности, без попытки понравиться всем сразу. Она была спокойной, немного усталой и настоящей. Она заметно смягчила его лицо — резкое, собранное, почти слишком серьёзное для человека, которого только что представили всему издательскому дому.

— Спасибо, Николай Петрович, — сказал он спокойно. — И спасибо вам всем.

Голос у него был низкий, ровный, без привычной медийной «поставленности».

— Для меня правда большая честь оказаться здесь. «Вершина» — место, за работой которого я давно слежу. И я прекрасно понимаю, насколько высокая планка здесь уже существует.

Несколько человек в зале заметно расслабились. Он говорил без пафоса и желания произвести впечатление, будто действительно имел в виду всё, что говорил.

— Я не очень верю в редакции, которые держатся только на одном человеке, — продолжил Антон. — Всё, что делает издание живым, всегда создаёт команда. Поэтому мне важно познакомиться с каждым из вас и понять, как вы видите будущее своих проектов. И да, моя дверь действительно всегда открыта. Иногда вместе с кофейником. Это, наверное, моя единственная стабильная управленческая стратегия.

По залу прошёл тихий смешок. Даже Седов едва заметно усмехнулся. А потом Антон поднял взгляд — и посмотрел прямо на меня. Всего на секунду, но что-то в этом взгляде оказалось слишком внимательным, как будто он не просто машинально скользнул глазами по залу, а действительно задержался. Я почти физически почувствовала этот момент и сразу разозлилась на себя за это.

Это ничего не меняет. Передо мной всё ещё стоял человек, который только что получил должность, ради которой я последние три года жила практически внутри редакции. Чужой человек, просто теперь у него оказалась ещё и нормальная улыбка.

После совещания я почти автоматически сунула блокнот в сумку и вышла в коридор. В голове стоял глухой шум, коллеги что-то обсуждали рядом — тихо, возбуждённо, — кто-то уже строил догадки, кто-то явно пытался вспомнить все статьи Черкасова за последние пять лет. Я проходила мимо них как сквозь туман. Через сорок минут у меня была встреча с агентом по новому интервью, и сейчас эта мысль казалась единственной нормальной вещью в мире.

— Кира.

Я даже не сразу поняла, что обращаются ко мне.

— Извините. Можно на секунду?

Голос прозвучал совсем близко. Я резко обернулась — слишком резко. Передо мной стоял Антон Черкасов. Вблизи он выглядел иначе. Моложе, чем мне показалось сначала. Уставший. И гораздо менее «официальный», чем большинство людей в этом здании. Бордовый свитер, закатанные рукава, лёгкая щетина — всё это странно не сочеталось с образом нового главы огромного издательского дома. Но больше всего сбивал взгляд. В нём не было ни превосходства, ни холодной оценки, которых я уже успела внутренне ожидать, а только внимательность.

— Не хотел перехватывать вас в коридоре, — сказал он спокойно, — но решил хотя бы поздороваться лично.

— В этом нет необходимости, всё нормально, — ответила я слишком быстро.

И сразу услышала, насколько резко это прозвучало. Я поправила ремень сумки на плече.

— Простите, у меня через несколько минут встреча. Нужно срочно обсудить договор по интервью.

Антон слегка кивнул.

— Понимаю. Тогда, может быть, в другой день? — он чуть улыбнулся. — Я давно знаком с вашими материалами. Было бы интересно познакомиться и с их автором.

На секунду я растерялась. Эта фраза должна была звучать приятно, но вместо этого внутри всё только сильнее сжалось. Он читал мои тексты, изучал редакцию и наверняка уже знал о каждом из нас больше, чем хотелось бы.

— Возможно, на следующей неделе, — быстро сказала я, делая шаг назад к лифту. — Сейчас правда очень плотный график.

Двери лифта открылись как спасение.

— Конечно, — спокойно ответил он. — Тогда позже.

Я почти сразу вошла внутрь. Двери начали закрываться, и последнее, что я увидела, — как он всё так же спокойно стоит посреди коридора, будто вообще не заметил моей поспешности. Только когда лифт тронулся, я медленно выдохнула.

Что это вообще было? «Очень плотный график»? Серьёзно? Я прикрыла глаза и прислонилась затылком к холодной стенке лифта. Он наверняка понял, что я соврала, но хуже было другое. Я действительно испугалась разговора с ним.

Лифт мягко остановился на нашем этаже. Когда двери открылись, навстречу сразу потянуло знакомым запахом кофе, бумаги и древесины. Где-то на фоне едва заметно чувствовалась лаванда — Саша снова поставила свой дурацкий ароматизатор, который половина редакции тайно ненавидела, а вторая уже считала частью офиса.

Я прошла к своему кабинету. Книги вдоль стены, стопки распечаток на подоконнике, фотография команды рядом с монитором — пространство, которое за эти годы стало почти продолжением меня самой. Дверь закрылась с тихим щелчком. Я прислонилась к ней спиной и наконец закрыла глаза. Нужно было срочно собраться.

На столе мигал индикатор телефона — напоминание о встрече с агентом через двадцать минут. Работа никуда не делась. «Просто сменился главный редактор». Я повторила это про себя несколько раз, пока раскладывала документы по папкам. Получалось не очень убедительно.

Встреча прошла нормально. Наверное. Я кивала в нужных местах, обсуждала условия интервью, что-то уточняла, даже шутила — по крайней мере, агент пару раз вежливо улыбнулся. Но ощущение было такое, будто половина моего внимания вообще отсутствовала в комнате. В конце встречи агент внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— У вас всё в порядке?

— Просто голова болит, — автоматически ответила я. — Ничего страшного.

Вернувшись в кабинет, я открыла вёрстку следующего номера и почти сразу поняла, что читаю один и тот же абзац уже четвёртый раз. Перед глазами вместо текста снова всплывал Антон Черкасов: его спокойный голос, этот дурацкий бордовый свитер, фраза про мои статьи.

«Я давно знаком с вашими материалами».

Почему это вообще так засело у меня в голове?

Тихий стук в дверь выдернул меня из мыслей. На пороге стояла Саша с двумя кружками чая.

— Принесла тебе экстренную медицинскую помощь, — сказала она, ставя кружку передо мной. — Выглядишь так, будто тебя морально переехал грузовик.

Я невольно усмехнулась.

— Примерно так и было.

Саша села напротив и внимательно посмотрела на меня из-под густой чёлки.

— Ну? Какой он?

Я знала, о ком речь.

— Нормальный, — ответила я слишком быстро.

Саша приподняла бровь.

— О-о-о. Вот это уже плохой знак.

— В смысле?

— Когда ты начинаешь говорить «нормальный» таким тоном, значит человек тебя чем-то бесит.

Я опустила взгляд в кружку. Горячий чай обжигал пальцы.

— Он остановил меня после собрания, — сказала я наконец. — Предложил встретиться на кофе. Сказал, что читал мои материалы.

— И это плохо, потому что?..

— Не знаю.

И это раздражало сильнее всего. Саша немного помолчала.

— Может, он просто пытается познакомиться с командой? Без корпоративного цирка?

— А может, заранее изучает людей, с которыми придётся работать.

— Кир.

— Что?

— Ты сейчас звучишь как человек, который готовится к войне.

Я устало провела ладонью по лицу. Может, так и было.

Несколько секунд мы сидели молча, потом я поставила кружку на стол и открыла ноутбук с вёрсткой.

— Ладно, — сказала я уже ровнее. — Значит, будем делать то, что умеем лучше всего.

— Работать до нервного истощения?

— Делать журнал настолько хорошим, чтобы у нового руководства даже мысли не возникло что-то здесь ломать.

Саша медленно улыбнулась. Вот теперь в её взгляде наконец появилось узнавание.

— О, — протянула она. — Всё. Наша Кира вернулась.

— Не драматизируй.

— Поздно. Я редактор. Это буквально моя профессия.

Я фыркнула, а Саша уже подтягивала к себе распечатки.

— Ладно, госпожа «я-всё-контролирую». На пятой полосе опять катастрофа. Пойдём спасать номер.

Работа помогала. Правки, согласования, споры о заголовках, обсуждение разворотов — всё это постепенно вытесняло утренний хаос из головы. Где-то на заднем плане всё равно продолжала крутиться одна и та же мысль: почему? Почему именно «Вершина»? Почему он вообще пришёл сюда? И зачем ему были нужны мои материалы?

Под вечер офис начал пустеть. За окнами уже зажигался Сити — стеклянный, холодный, весь в отражениях и светящихся кольцах рекламы. Я как раз просматривала финальную вёрстку, когда в дверь тихо постучали.

— Можно?

Я подняла голову. Антон стоял в дверях, а в руках у него была папка. И почему-то от одного её вида я сразу напряглась.

— Вы уже вошли.

— Есть минут пять?

Я кивнула и указала на кресло напротив, а сама осталась сидеть за столом. Антон сел и положил папку перед собой.

— Не хотел дёргать вас среди дня, — сказал он спокойно. — Но пока смотрел следующий номер, зацепился за один момент.

Он открыл распечатку. Мой разворот на интервью с Марковой. Его палец остановился на одной из полос.

— Здесь очень сильный материал, — сказал он. — Правда. Но мне показалось, что читателю может немного не хватить контекста. Вы очень глубоко показываете её как человека, но почти не затрагиваете историю вокруг последнего проекта.

Я почувствовала, как внутри мгновенно поднимается раздражение. Мой материал это моя территория и ответственность.

— Это специально, — ответила я спокойнее, чем ожидала. — «Elite» не строится вокруг скандалов. Мы всегда делали акцент на человеке.

Антон поднял взгляд.

— Я понимаю. Просто иногда история становится сильнее, когда понимаешь, через что человек прошёл.

Он снова посмотрел на разворот.

— Не обязательно менять тон. Можно буквально несколько деталей. Пару фактов. Что-то, что даст читателю почувствовать масштаб.

Тишина повисла между нами. Потому что проблема была не в его словах. А в том, что они были разумными. Я раздражённо отвела взгляд к окну.

— Вы изучали историю Марковой? — спросила я.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Я работал в «Манифесте» последние четыре года и тот материал про галерею делала моя команда.

Я медленно посмотрела на него. А, вот оно. Теперь всё внезапно встало на свои места. Он говорил не как человек со стороны, а как человек, который уже был внутри этой истории. Несколько секунд я молчала, потом тихо сказала:

— Я подумаю.

И почти сразу возненавидела эту фразу, потому что она означала две вещи. Во-первых — он оказался прав хотя бы частично. Во-вторых — я только что признала это вслух. Антон закрыл папку и поднялся.

— Хорошо, — сказал он просто.

Уже у двери он вдруг остановился и обернулся:

— И предложение про кофе всё ещё в силе.

Только после того, как дверь закрылась, я поняла одну неприятную вещь. Я вообще не заметила момент, когда перестала злиться и начала слушать. После его ухода кабинет словно изменился, тишина осталась прежней — но теперь в ней будто что-то звенело. Я смотрела на папку, лежащую на краю стола. На разворот с Марковой, пометки карандашом, короткие, точные комментарии сбоку.

Он пришёл подготовленным и не с попыткой продавить авторитетом и демонстрацией власти. Всё оказалось хуже, у него были весомые аргументы.

Я медленно провела ладонью по лицу и потянулась к давно остывшему чаю. Горький и отвратительный вкус.

Самое неприятное заключалось даже не в том, что Антон нашёл слабое место в материале, а в том, что он сделал это спокойно, без любимого начальственного «я лучше знаю». Просто увидел проблему — и показал её мне. И теперь я уже не могла сделать вид, что проблемы нет.

Я снова посмотрела на разворот. Он был прав на столько, что это даже раздражало. Телефон оказался в руке раньше, чем я успела передумать.

— Саш, — сказала я, когда она ответила. — Принеси мне всё по Марковой. И старый материал из «Манифеста» тоже.

— О-о-о, — протянула она сонно. — Всё настолько плохо?

— Всё намного хуже. Он оказался компетентным.

— Соболезную.

Я положила трубку и снова уставилась в экран. Игнорировать его замечание теперь было невозможно. Домой я уехала далеко за полночь. А в три утра всё ещё сидела на кухне с ноутбуком и открытыми архивами «Манифеста».

Когда будильник не прозвенел утром, организм решил проблему за него. Я проснулась резко, но сразу с чётким пониманием того, что я проспала.

— Чёрт.

Следующие полчаса превратились в катастрофу. Я одновременно искала второй сапог, пыталась накрасить ресницы и отвечала Лили, зажав телефон между плечом и ухом.

— Ты звучишь так, будто тебя всю ночь пытали, — заметила она.

— Почти. — Я дёрнула молнию пальто. — Новый главред вчера пришёл ко мне с правками.

— И?

— И оказался прав. Вот в чём проблема.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Ой.

— Именно. «Ой».

Я выскочила на лестничную клетку, и раз десять нажала на кнопку лифта, будто от этого он приедет на этаж быстрее.

— Он ткнул в самое слабое место материала. Причём не потому, что решил покрасоваться, а потому что реально разбирался в теме. Оказывается, скандал вокруг Марковой раскручивал именно его отдел в «Манифесте».

— Так, подожди… ты хочешь сказать, что он ещё и хороший редактор?

— Не произноси это вслух, пожалуйста.

Лили рассмеялась, а я неожиданно поймала себя на том, что тоже улыбаюсь — впервые со вчерашнего дня.

— И что теперь?

— Теперь я везу ему переработанный материал после трёх часов сна и пытаюсь не выглядеть человеком, который морально разваливается.

— Зато у тебя есть преимущество.

— Какое?

— Это всё ещё твоя редакция.

Я замолчала, уже выходя из подъезда. Холодный утренний воздух немного привёл мысли в порядок. Моя редакция. Моя команда. Мой журнал.

Да. Пока что — мой.

Я села в машину и посмотрела на своё отражение в зеркале. Уставшая, бледная, слишком напряжённая, и почему-то абсолютно уверенная, что сегодняшний разговор с Антоном Черкасовым будет намного важнее, чем вчерашний.

Я остановилась перед дверью кабинета, который ещё вчера принадлежал Седову. Теперь на табличке было другое имя. А. ЧЕРКАСОВ. В одной руке — папка с переделанным материалом. В другой — давно остывший кофе. Я коротко выдохнула и постучала.

— Войдите.

Кабинет изменился не сильно, но достаточно, чтобы это сразу чувствовалось. Исчез тяжёлый запах старых книг и табака Седова. Вместо него появились чистота, древесина и какая-то почти стерильная аккуратность.

Антон стоял у окна. Когда он обернулся, я вдруг с раздражением поняла, что снова слишком внимательно его рассматриваю. Сегодня он был одет проще, чем вчера. Тёмная водолазка, серые брюки, часы на запястье. Ничего показательного, но именно эта простота почему-то работала сильнее дорогих костюмов половины людей в этом здании.

— Кира, — спокойно сказал он. — Садитесь.

Я опустилась в кресло напротив стола и положила папку перед ним.

— Я внесла правки.

Он кивнул и открыл материал. В кабинете было настолько тихо, что я слышала, как где-то за окнами приглушённо шумит город, как тикают его часы, и как шуршат страницы под его пальцами. Он читал внимательно, и почему-то именно это заставляло нервничать сильнее всего. Я сидела неподвижно, сцепив руки на коленях.

Наконец он перевернул последний лист и поднял взгляд.

— Лучше, — сказал он.

Всего одно слово, но внутри всё равно что-то болезненно сжалось, потому что я слишком сильно ждала этого ответа.

— Спасибо, — произнесла я ровно.

И в этот момент телефон в сумке завибрировал, и я машинально потянулась вниз. Но, подняв глаза, я встретилась взглядом с Антоном. Он ничего не сказал, просто смотрел спокойно и ждал, что я выберу.

На секунду я замерла, потом медленно убрала руку от сумки и сбросила вызов. Тишина снова вернулась в кабинет, но только теперь она ощущалась иначе. Антон едва заметно кивнул и закрыл папку.

— Думаю, мы сработаемся, — сказал он спокойно.

Я принесла ему свою работу — как подношение, а он принял её спокойно, почти равнодушно. Мой сброшенный звонок стал молчаливым признанием его приоритета. Мы почти не говорили о власти — но она уже выстроилась между нами с пугающей точностью. Я сидела напротив него в своей идеальной броне — в шёлке, каблуках и безупречно выверенной осанке — и чувствовала, как незаметно оказываюсь привязанной к этому кабинету. Привязанной к этому человеку и тихому тиканью часов на его запястье. Он продолжал говорить — о следующем номере, о стратегии, о каких-то планах на осень. Голос был ровным, спокойным, профессиональным, но слова расплывались. Я слышала только: тик-так. Тик-так. Будто его часы отсчитывали начало чего-то нового. Чего-то, во что я уже оказалась втянута. И первая партия за ним.

День после этого сорвался с цепи. Стоило мне вернуться в кабинет, как телефон начал вспыхивать сообщениями от Черкасова. Проанализировать отклики на прошлый номер. Проверить фактуру в материале о дизайнере. Подготовить краткую сводку по конкурентам. Каждая задача выглядела логичной и важной. И ни одна не требовала немедленного исполнения, но все они появлялись сегодня. Словно он осторожно проверял предел моей выносливости.

Мой телефон, переведённый в беззвучный режим после утреннего разговора, то и дело вспыхивал именем Макса.

«Кир, ты где?» «Есть вопрос по полосе». «Ответь, пожалуйста».

Я смотрела на экран — и снова откладывала телефон. Под вечер пришло голосовое. Я вставила наушник и сделала вид, будто слушаю подкаст.

— Окей, я понял, новый властелин колец окончательно захватил тебя в плен, — голос Макса звучал устало, но с привычной иронией. — Я сам разобрался с пятой полосой. Кажется, ничего не взорвалось. А мы сегодня идём в паб на набережной — снять стресс. Сашка будет, Ленка тоже. Тебе после последних двух дней явно нужен алкоголь и человеческое общество. Если вырвешься — приходи. Если нет… ну, мы тебя всё равно любим, трудоголик проклятый.

Я прикрыла глаза. Мне отчаянно хотелось быть там. Среди своих. Слушать чужой смех, спорить о съёмках, закатывать глаза на очередную выходку Макса. Вместо этого я сидела одна в полумраке кабинета и выполняла задачи человека, который всего за сутки сумел встроить себя в ритм моей жизни так, будто всегда здесь был. И хуже всего было то, что я не могла обвинить

его ни в чём конкретном. Он не давил, не приказывал мне и не унижал. Он просто делал свою работу — безупречно. А я, выполняя каждую новую задачу, будто снова и снова подтверждала:

да, твоё время теперь важнее моего.

К восьми вечера офис почти опустел. За окнами Сити уже горели неоновые кольца рекламы, отражаясь в стекле бледными размытыми пятнами. Я отправила ему последнюю аналитическую справку и замерла. Через секунду возле сообщения появился статус: «прочитано».

Я медленно откинулась в кресле и закрыла глаза. Где-то сейчас смеялись Макс и Саша. Ленка наверняка показывала свои новые фотографии. А я сидела одна, среди погасших экранов и отражений ночного города, с гудящими ногами и ощущением, будто стены кабинета становятся всё уже. Будто меня аккуратно, слой за слоем, запечатывают внутри идеально красивого саркофага.

Телефон снова оказался в ладони. Я хотела написать Максу: «Прости». Но так и не отправила сообщение. Вместо этого медленно наклонилась и расстегнула ремешки каблуков. Когда босые ступни коснулись холодного пола, облегчение оказалось почти болезненным.

За окнами горел ночной Сити. Где-то в этой башне — возможно, этажом выше — всё ещё тоже не гас свет. В кабинете нового главного редактора. Интересно, он до сих пор там? Или давно уехал домой, спокойно оставив меня разгребать всё, что методично сваливал на меня весь день? Я не знала. И эта неизвестность раздражала сильнее открытого конфликта. Он даже не воевал со мной, а просто занимал моё пространство, время, внимание и все силы. И делал это так спокойно и грамотно, что у меня не находилось ни одного профессионального аргумента против. Только один — почти детский: «Я не хочу».

Но в мире «Вершины» этого было недостаточно. Я сама выбрала эту игру и теперь придётся играть. Даже если правила пишет он и первую партию я уже проиграла.

Я собрала вещи в почти полной темноте офиса. Ноги дрожали от усталости, а каблуки давно превратились из элемента брони в орудие пытки, поэтому я без сожаления швырнула их в сумку и натянула балетки — плоские, безликие, зато не причиняющие боли.

Коридоры были пустыми. Только дежурная подсветка выхватывала из темноты стеклянные перегородки и силуэты столов. Я подошла к лифтам и нажала кнопку. Ничего. Нажала ещё раз и снова тишина. И только через секунду я вспомнила объявление на стенде, мельком увиденное утром: сервисное обслуживание. Лифты отключены с восьми вечера до шести утра.

Я закрыла глаза. Несколько этажей вниз по лестнице. Идеальный финал идеального дня.

Первые пролёты я прошла почти автоматически. Потом ноги начали наливаться тяжестью. Мышцы горели после целого дня напряжения, а ступни пульсировали тупой болью. К последним этажам я уже держалась за перила, на лестнице пахло бетоном, пылью и застоявшимся воздухом.

На повороте между четвёртым и третьим этажом нога вдруг поехала в сторону. Балетка соскользнула с края ступени. Не было ни красивого падения, ни драматичного грохота, только резкий рывок, ужасная боль и унизительно неловкое падение. Локоть ударился о бетон, лодыжку пронзило такой острой вспышкой боли, что перед глазами на секунду потемнело. Я тяжело опустилась на ступеньку и прижалась спиной к стене, пытаясь не закричать. Несколько секунд я просто сидела, зажмурившись и дыша сквозь зубы, а потом внутри что-то надломилось. Слишком длинный день.

Я уткнулась лбом в колени и наконец позволила себе заплакать, но именно тогда услышала шаги. Быстрые четкие шаги выше по лестнице. Они приблизились и остановились прямо над моей площадкой.

— Кира?

Голос я узнала сразу. Сердце неприятно сжалось. Он спустился ниже, и в тусклом свете аварийной лампы я увидела его силуэт — серые брюки, тёмная водолазка, портфель в руке. Черкасов остановился в нескольких ступенях от меня, потом медленно присел на корточки — не слишком близко, оставляя мне пространство.

— Вы в порядке?

И впервые за всё время в его голосе не было ни деловитости, ни аналитической холодности. Только беспокойство.

— Я просто оступилась, — выдавила я.

Собственный голос звучал хрипло и жалко. Его взгляд опустился к моей ноге.

— Это не «просто».

— Всё нормально.

Я отвернулась. Слёзы снова подступили к горлу, и я яростно смахнула их ладонью. Он ничего не сказал, просто поднялся, снял пиджак и расстелил его рядом со мной на ступеньке.

— Сядьте сюда. Бетон ледяной.

Потом открыл портфель и достал маленькую аптечку. Я смотрела на это почти ошеломлённо. Новый главный редактор «Вершины». Человек, который весь день методично вдавливал меня в рабочий ритм, сейчас сидел на пыльной служебной лестнице и искал антисептик для моего разбитого локтя.

— Дайте руку.

Я молча протянула локоть. Его пальцы коснулись моей кожи осторожно, почти неожиданно бережно. Тёплые, но уверенные. Он обрабатывал ссадину молча, сосредоточенно, и в свете телефона, поставленного на ступеньку, его лицо казалось непривычно живым и уставшим от тяжелого рабочего дня.

— Нога?

— Растяжение, наверное.

Он коротко кивнул, потом поднял взгляд. И вот теперь в его глазах действительно не было привычной непроницаемости, только что-то очень похожее на вину.

— Я отвезу вас домой.

— Не нужно.

— Нужно, — спокойно ответил он. — Вы не сможете вести машину.

Я хотела возразить, но сил больше не осталось. Он поднялся первым и протянул мне руку. Я замерла на секунду, потом всё-таки вложила пальцы в его ладонь. Он не тянул меня вверх — просто держал, пока я поднималась. Когда боль снова прострелила лодыжку, я невольно выдохнула сквозь зубы. Он сразу остановился.

— Сможете идти?

— Да.

Ложь. Но он сделал вид, что поверил, поднял с пола мой портфель, потом свой, и молча накинул мне на плечи пиджак.

— Здесь холодно.

— Спасибо, что помогли, — сказала я, когда мы остановились на площадке. — Но это не значит, что я согласна с тем, что вы сделали утром.

Антон посмотрел на меня, не убирая руки с перил.

— Я и не рассчитывал, что вы измените мнение из благодарности.

— Хорошо. Потому что не изменю.

— Тогда хотя бы договорились честно.

После этого мы начали медленный спуск вниз. Он шёл ступенью ниже, придерживая меня под локоть.

И именно это пугало сильнее всего, потому что ненавидеть врага — просто. Но что делать с человеком, который сначала разрушает твой мир, а потом молча помогает тебе идти по тёмной лестнице, чтобы ты не упала снова?

Глава 3.

Он открыл переднюю пассажирскую дверь, и я, стараясь не морщиться от боли, забралась внутрь. В салоне пахло кожей, свежим кофе из термокружки и чем-то ещё — чистотой, порядком, холодной собранностью. Так же пах его кабинет. Его мир. И я сейчас нелепо сидела в нём, завернувшись в его пиджак, который всё ещё хранил тепло его тела.

Антон завёл двигатель. Тихий рокот мотора заполнил паузу между нами. Свет приборной панели выхватил из темноты его профиль — жёсткую линию челюсти, тень от упавших на лоб волос.

— Адрес? — спросил он, глядя в навигатор.

Я назвала улицу и номер дома. Машина плавно выехала из подземного паркинга в ночной город. Несколько минут мы ехали молча. Я смотрела в окно на размазанные огни и чувствовала, как каждый поворот отзывается тянущей болью в лодыжке. Пиджак на плечах вдруг стал слишком тяжёлым. Слишком чужим. Я осторожно потянулась, собираясь снять его.

— Не надо, — спокойно сказал Антон, даже не повернув головы.

— Что?

— У вас руки дрожат.

Меня почему-то мгновенно это разозлило, и я спрятала их под его пиджак.

— И что?

— И вы сейчас начнёте геройствовать, — всё так же ровно произнёс он. — А потом снова станет хуже.

Я коротко усмехнулась.

— Вы всегда так разговариваете? Будто всё уже заранее про людей поняли.

Теперь он всё-таки посмотрел на меня. Быстро, лишь краем глаза, чтобы не отвлекаться от дороги.

— Нет. Только когда люди делают вид, что с ними всё в порядке.

Я отвернулась к окну. Тишина снова натянулась между нами. Свет светофора скользнул по его рукам на руле — спокойным, собранным, слишком уверенным.

— Спасибо, — сказала я наконец.

Слово прозвучало тихо и хрипло. Он слегка кивнул.

— Не за что. Это часть моей ответственности.

Я устало прикрыла глаза.

— Ответственности за то, что подчинённая не смогла самостоятельно дойти до первого этажа?

— Нет, — спокойно ответил он. — За то, что я не предусмотрел отключение лифтов.

— Серьёзно? Только в этом проблема?

Он ненадолго замолчал. Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Я ещё и не объяснил, что задачи не требовали немедленного выполнения.

— Антон, вы — новый главный редактор. Ваше «посмотрите сегодня» автоматически означает «это нужно срочно».

— Для вас — да, — спокойно сказал он.

— А для вас?

Он несколько секунд молчал, будто действительно обдумывал ответ.

— Для меня это означало «когда будет возможность».

Я тихо рассмеялась, сарказм не смог удержаться и слетел с моих губ.

— Удивительно удобная формулировка.

Он слегка постучал пальцами по рулю.

— В «Манифесте» была другая скорость работы. Там подобные вещи считались нормальными.

— «Манифест», — повторила я. — У меня ощущение, что он теперь будет преследовать меня в каждом разговоре с вами.

— Возможно.

— Вы вообще умеете отвечать нормально? Не этими вашими… полу фразами?

Теперь он действительно посмотрел на меня. Дольше обычного.

— А вы умеете не воспринимать всё как атаку?

Я почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение.

— Вы пришли в мой отдел. В мой журнал. Начали менять процессы в первый же день и тестировать людей на прочность. Как, по-вашему, это должно восприниматься?

Антон медленно выдохнул, будто собирался объяснять что-то маленькому капризному ребёнку. Вероятно таковым он меня и считал.

— Я не пытаюсь разрушить то, что вы построили.

— Тогда зачем вы здесь?

В машине стало очень тихо. Он не отвечал долго. Настолько долго, что я уже решила — не ответит вообще, но потом тихо произнёс:

— Потому что «Вершину» начали медленно превращать в красивую оболочку.

Я нахмурилась.

— Осторожнее.

— Это не упрёк вам.

Впервые за весь разговор в его голосе появилась усталость.

— Я пришёл не уничтожать ваш журнал. И не выживать вас. Я пришёл, потому что увидел, что здесь ещё есть люди, которым не всё равно.

Я смотрела на него, не понимая, почему после этой фразы злиться стало сложнее.

Он продолжил тише:

— Включая вас.

Я отвела взгляд первой. Пальцы сами сильнее сжали ремень сумки.

— Сегодня вы это странно показали.

— Да, — спокойно согласился он. — Странно. Я бы сказал по-идиотски.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Это уже ближе к человеческому языку.

На этот раз он действительно едва заметно улыбнулся. Усталой, короткой улыбкой человека, который не привык это делать.

— Не привыкайте. Это редкость.

Я вдруг поймала себя на том, что напряжение в груди стало слабее. Совсем немного, но достаточно, чтобы это испугало меня ещё сильнее.

— Так что это было? — тихо спросила я. — Правда тест?

Он снова сосредоточился на дороге.

— Да.

— И что именно вы проверяли?

— Насколько вы настоящая.

— Это вообще что значит? — Я непонимающе нахмурилась, затем выгнула бровь в ожидании нормального ответа.

— Людей, которым действительно важно их дело, видно сразу. Они не умеют делать «достаточно хорошо». Они всё равно пойдут дальше, даже когда уже нельзя.

— И вы решили проверить, сломаюсь ли я?

— Нет, — тихо сказал он. — Я был почти уверен, что не сломаетесь.

— Какая честь. — я не смогла сдержать нервного смешка. Всё это немного раздражало.

— Это не комплимент.

— А что тогда?

Он повернул руль, сворачивая на мою улицу.

— Проблема.

Я замолчала, потому что неожиданно поняла: он говорит не только обо мне. И, возможно, даже не в первую очередь обо мне.

Машина остановилась у подъезда. Тишина снова накрыла салон, но теперь она была другой. Слишком тесной для всего, что между нами уже успело появиться.

— Сможете подняться? — спросил он.

— Да.

Я открыла дверь. Пиджак соскользнул с плеч. Подобрав его, я протянула Антону.

— Спасибо. За помощь.

Он взял пиджак, и наши пальцы снова едва соприкоснулись.

— Завтра можете остаться дома, если нога будет болеть, — сказал он.

— Я приеду, — ответила я.

Он чуть склонил голову.

— Даже не сомневался.

Поднимаясь в лифте, я прислонилась затылком к холодной металлической стенке. На мне всё ещё оставался его запах. Тот самый — чистый, сдержанный запах дорогой ткани, свежего кофе и какой-то пугающей собранности. Так пах его кабинет. Его машина. Его мир. И теперь этим запахом пропиталось моё пальто, мои волосы, кожа на запястьях.

Я медленно выдохнула. Весь день он был для меня противником — холодным, точным, непроницаемым. Человеком, который без единого повышения голоса умудрялся вытеснять меня с привычной территории, шаг за шагом забирая контроль над ритмом моей работы, над моим временем, над моими реакциями. А потом, за какой-то один час на тёмной лестнице, всё вдруг треснуло. Потому что теперь я больше не могла воспринимать его как бездушную машину в дорогом костюме.

Он сидел рядом со мной на бетонной ступеньке. Молча держал мою руку, обрабатывая разбитый локоть с такой осторожностью, будто боялся причинить лишнюю боль. Нёс мои вещи. Спускался рядом, подстраивая шаг под мой. Ждал у подъезда, пока я не войду внутрь. Я не понимала, где заканчивается его ответственность и начинается что-то личное. А может, ничего личного и не было. Может, он просто был человеком, который привык отвечать за последствия собственных решений. Но тогда почему я до сих пор помнила тепло его ладони?

Лифт мягко остановился. Я открыла дверь квартиры, сбросила сумку прямо в прихожей и почти рухнула на диван, не включая свет. За окнами мерцал город, а внутри меня всё ещё продолжал звучать тихий ритм вчерашнего вечера: шаги на лестнице, его низкий голос, мерное тиканье часов. И где-то среди усталости, раздражения и боли росло новое, опасное чувство. Интерес.

Следующее утро встретило меня тупой, пульсирующей болью в лодыжке и тяжестью в мышцах, будто ночью меня не уложили спать, а аккуратно разобрали на части и забыли собрать обратно.

Солнце било в окна спальни с какой-то издевательской бодростью. Я медленно добралась до кухни, цепляясь ладонью за стены и спинки стульев, и остановилась напротив кофемашины, глядя на неё так, словно она лично была виновата во всех событиях последних суток. Первая мысль была предсказуемой: приехать в офис несмотря ни на что. Вторая — ещё глупее: приехать раньше обычного. Но стоило осторожно перенести вес на повреждённую ногу, как перед глазами на секунду потемнело. Я выругалась сквозь зубы и опустилась обратно на стул.

Взяв в руки телефон, я написала Саше:

«Растянула ногу. Сегодня работаю из дома. Все срочные вопросы держи на контроле, если что — звони».

Ответ прилетел почти мгновенно:

«Кир, ты с ума сошла вообще? Конечно, всё закрою. И да — новости про тебя и Черкасова уже стали легендой этажа».

Я закрыла глаза. Значит, кто-то всё-таки видел, как новый главный редактор выводил меня с лестницы посреди ночи. Теперь я официально часть офисного фольклора.

Я устроилась на диване, обложив ногу подушками, поставила ноутбук на колени и открыла почту. И почти сразу увидела письмо от него.

Отправитель: А. Черкасов.

Тема: «По материалам».

Сердце неприятно сжалось. Я открыла письмо. Никаких «как вы себя чувствуете». Никаких «надеюсь, нога лучше». Только идеально выверенный деловой текст:

«Кира, добрый день.

Направляю вам для ознакомления аналитику по digital-сегменту “Elite” за последний квартал, а также предварительную дорожную карту интеграции мультимедийного контента в следующие три номера. Буду признателен за ваши комментарии по ключевым точкам роста и потенциальным рискам.

Срок — до конца недели. Не срочно.

Если возникнут вопросы — пишите».

Ниже — подпись, и уже после неё, отдельной строкой:

«P.S. Для работы с файлами достаточно базового ознакомления. Не проводите за ноутбуком весь день. А.Ч.»

Я перечитала постскриптум дважды.

«Не проводите за ноутбуком весь день».

Максимально обезличенная, осторожная забота человека, который будто намеренно избегал любых слов, способных прозвучать слишком лично. Я медленно откинулась на подушки. В памяти слишком ясно всплыл вчерашний вечер: его рука на моём локте, тёплый пиджак на плечах, усталый голос в машине, когда он признал свою ошибку. А сегодня — снова дистанция. Снова идеально выстроенная граница.

Раздражение подступило неожиданно остро. Он снова всё контролировал. Он определял объём работы, сроки, ритм, тон общения — и при этом ухитрялся делать это так, что придраться было почти невозможно. Я открыла прикреплённые файлы и почти сразу забыла о раздражении. Потому что аналитика была блестящей. Он видел слабые места журнала так ясно, будто проработал здесь не несколько дней, а несколько лет, а его идеи по мультимедийному развитию были не попыткой разрушить «Elite», а наоборот — способом сделать его сильнее, современнее, масштабнее, не убивая то, за что его любили. И это было самой большой проблемой, потому что сопротивляться глупому начальнику легко. Его можно ненавидеть, можно спорить, можно ждать, пока он ошибётся. Но что делать с человеком, который действительно умён? Который видит дальше остальных? И чьи идеи тебе… нравятся?

Я работала несколько часов подряд, делая пометки в документах, периодически отвлекаясь на боль в ноге и на собственные мысли, которые становились всё менее управляемыми. Кто он такой на самом деле? Холодный стратег? Человек, привыкший проверять всех на прочность? Или мужчина, который просто слишком давно научился прятать всё человеческое за безупречным самоконтролем?

Под вечер телефон завибрировал. Мне написал Макс.

«До меня дошла легенда, что ты вчера героически проиграла битву лестнице, а Черкасов лично вынес тебя из башни. Это правда или коллектив уже дописывает фанфик?»

Я невольно рассмеялась. Первый раз за день.

«Никто никого не выносил. Я просто подвернула ногу и временно потеряла достоинство».

«А, то есть Черкасов всё-таки видел это».

«К сожалению».

«Тогда всё. Ты официально обречена. В офисе уже романтизировали ваши страдания».

«Макс».

«Что “Макс”? Слушай дальше. Мы решили, что ты сегодня не остаёшься одна. Через час будем у тебя. Я, Сашка и Ленка. Привезём пиццу, вино и коллективную терапию».

«Не надо».

«Надо. И это не обсуждается».

Через час квартира действительно наполнилась голосами, запахом еды и тем живым хаосом, который бывает только рядом со своими людьми. Ленка устроилась прямо на полу и драматично потребовала подробностей «ночной эпопеи». Саша хозяйничала на кухне так, будто жила здесь всю жизнь. Макс безжалостно издевался над ситуацией, изображая Черкасова голосом диктора криминальных хроник:

— «И тогда суровый главред, одетый во всё чёрное, появился из тьмы лестничной клетки…»

— Замолчи, — простонала я, смеясь в подушку.

И впервые за последние дни мне стало по-настоящему легко. Только смех, шумные разговоры, вопросы «как нога?» и спор о том, какую пиццу всё-таки стоило заказать.

Когда они ушли, квартира снова погрузилась в тишину. Я вернулась к ноутбуку и перечитала письмо Черкасову с комментариями по аналитике. Взгляд снова зацепился за постскриптум.

«Не проводите за ноутбуком весь день».

Я задумалась на секунду, а потом, прежде чем отправить письмо, удалила стандартную подпись и добавила внизу:

«P.P.S. Рекомендация насчёт ноутбука была частично выполнена. Вмешались друзья, пицца и коллективное нарушение режима продуктивности.

К.С.»

Я нажала «отправить». Через минуту появилось уведомление: «прочитано». Ответа не последовало: ни через пять минут, ни через десять, но почему-то я была почти уверена: он заметил эту строчку. И, возможно, где-то там — в своём идеально организованном кабинете или в тишине собственной квартиры — на секунду отвёл взгляд от документов. И, возможно, уголок его рта всё-таки дрогнул. А может, и нет. И странным образом теперь эта неизвестность уже не пугала меня так, как раньше. Скорее… затягивала.

Прошли почти сутки. Лодыжка всё ещё отзывалась тупой, тянущей болью при каждом неосторожном движении, но хотя бы исчезло ощущение, будто ногу заменили раскалённым металлом. Теперь я могла передвигаться по квартире без необходимости держаться за стены или мебель, хотя походка всё равно оставалась раздражающе медленной. В травмпункте врач — усталый мужчина с кругами под глазами и привычкой разговаривать так, будто мир ежедневно производит тысячи одинаково безрассудных пациентов, — хмуро сообщил:

— Растяжение связок. Повезло, что не разрыв. Покой, холод, фиксирующая повязка. И желательно без подвигов ближайшие дни.

Без подвигов. Я едва не усмехнулась. Если бы он знал, насколько это несовместимо с моей работой.

Работа из дома оказалась отдельной формой пытки. С одной стороны, исчезла необходимость каждое утро натягивать на себя броню из идеально выглаженных рубашек, строгих взглядов и каблуков. Не нужно было видеть Черкасова в коридорах, ловить на себе его спокойный, слишком внимательный взгляд или чувствовать постоянное напряжение от его физи-

ческого присутствия этажом выше. С другой — он всё равно был рядом. В коротких сообщениях рабочего чата. В правках к макетам. В идеально структурированных комментариях под документами. В самом ритме работы, который незаметно начал подстраиваться под него. Он не контролировал демонстративно, не дёргал по мелочам, не требовал отчётов каждые полчаса, но каким-то образом его присутствие ощущалось даже через экран ноутбука. Будто он постепенно встраивался в саму ткань редакции.

Он прислал обновлённый макет номера с Марковой. Туда уже встроили его злополучную «справку» — тот самый контекст, из-за которого всё началось. Текст действительно стал сильнее. Не потерял атмосферу, не стал сухим, не развалился под тяжестью фактов. Наоборот — приобрёл глубину. Тот самый вес, о котором он говорил в первый вечер. Мне пришлось признать это с огромным раздражением. Потому что каждый раз, когда он оказывался прав, почва под моим сопротивлением становилась всё менее устойчивой.

На третий день утром я сидела на кухне с кружкой кофе, лениво разбирая почту, когда экран телефона вспыхнул новым уведомлением. Личное сообщение.

А.Черкасов:

«Кира, доброе утро. Как нога?»

Я замерла. Пальцы сильнее сжались на кружке. Никаких файлов и задач. Никаких «посмотрите к вечеру». Обычный человеческий вопрос, который мгновенно выбил меня из равновесия. Я специально не ответила сразу. Подождала минут десять, хотя телефон всё это время лежал экраном вверх рядом с рукой. Глупая попытка сохранить дистанцию.

К.Соколова:

«Уже лучше. Спасибо. В понедельник планирую быть в офисе».

Статус «прочитано» появился почти мгновенно, но ответ пришёл не сразу. Прошла минута, потом ещё одна. Словно он тоже обдумывал формулировки.

А.Черкасов:

«Не торопитесь.

Есть предложение. Завтра в 11:00 у меня созвон с лондонским агентом Марковой по поводу эксклюзивных прав на публикацию её дневников. Материал может стать ключевым для следующего номера. Хочу, чтобы вы присутствовали. Если чувствуете себя достаточно хорошо для работы».

Я перечитала сообщение медленно. Дневники?

Сердце неприятно дрогнуло. Это был материал уровня мечты. Такие вещи не просто публиковали — за них дрались, а он предлагал мне участвовать, как человеку, чьё мнение для него действительно имело значение.

К.Соколова:

«Дневники Марковой — это серьёзно. Конечно, я подключусь. Пришлёте ссылку?»

Ответ пришёл почти сразу. Приглашение в календарь. Тема встречи: «Маркова. Дневники. Конфиденциально». А следом ещё одно сообщение.

А.Черкасов:

«Подготовьте, пожалуйста, список вопросов, которые вы бы задали ей лично, будь у вас доступ к этим материалам. Интересно ваше видение. До завтра».

Весь день я провела за подготовкой. Искала информацию об агенте, поднимала старые публикации о Марковой, смотрела, как другие издания работали с личными архивами

известных людей. Составляла вопросы. Переписывала. Снова редактировала. Работа затянула настолько, что временами я забывала про боль в ноге.

На следующее утро пришло новое сообщение.

А.Черкасов:

«Кира, доброе утро.

Созвон перенесли на понедельник, 11:00. У агента срочные дела в Лондоне.

Это даст вам больше времени на подготовку».

Я неожиданно почувствовала облегчение, потому что дополнительные два дня означали ещё немного времени, чтобы прийти в себя. Хотя бы внутренне.

К.Соколова:

«Поняла. Спасибо, что предупредили. Вопросы уже готовы. Буду ждать понедельника».

Статус «прочитано».

В пятницу вечером, когда я уже собиралась закрывать ноутбук, зазвонил домофон.

— Алло?

— Доставка для Киры Соколовой. Кафе «ЭКспрессо».

Я нахмурилась. Никакой доставки я не заказывала. Спустившись вниз, я получила от курьера аккуратный крафтовый пакет, перевязанный тонкой бечёвкой. Внутри лежали коробочки с десертами: миндальное печенье с морской солью, зефир в тёмном шоколаде, маленькая баночка мёда с перцем. И визитка Лили.

«Просили передать со всеми пожеланиями скорейшего восстановления. От нового постоянного клиента. Догадаешься от кого?)»

Я долго стояла посреди кухни, глядя на этот пакет. «От клиента».

Даже здесь он оставил себе путь к отступлению. Будто хотел сделать что-то личное — и одновременно максимально обезопасить меня от чувства неловкости. Или себя, что, возможно, было ещё интереснее.

Я медленно села за стол и открыла коробочку с печеньем. Оно оказалось идеальным. С лёгкой солоноватой ноткой. Ровно таким, какое я действительно любила. Оставалось только два варианта: либо он случайно угадал, либо наблюдал внимательнее, чем я думала.

Понедельник встретил меня серым, рассеянным светом за окном и тем странным напряжением, которое бывает перед важной встречей — когда разум ещё пытается держать всё под контролем, а тело уже давно поняло: сегодня что-то изменится.

Я стояла перед зеркалом в спальне, медленно поправляя рукав платья цвета тёмной охры. Строгое, сдержанное, чуть мягче обычного. Каблуки — устойчивые, средней высоты. После истории с лестницей шпильки казались орудием коллективного самоубийства. Последним штрихом стали часы — тонкие, на кожаном ремешке. Почти ритуал. Почти напоминание самой себе, кто я. «Я в порядке. Я в строю. Я контролирую ситуацию». Даже если это было не совсем правдой.

Дорога до офиса прошла в вязкой тишине. За окном медленно текло утро, а я снова и снова прокручивала в голове вопросы к агенту Марковой. Но мысли всё равно упрямо возвращались к другому. Как он сегодня посмотрит на меня? Сделает вид, что между нами были только рабочие письма и документы?

Офис «Вершины» встретил привычным шумом, запахом кофе и лёгкой редакционной истерикой. Кто-то спорил у принтера, кто-то носился с планшетом между отделами, Саша уже на ходу ругалась с верстальщиком по телефону. Всё было знакомым и родным.

Я вошла в кабинет, поставила сумку на стол — и замерла. Рядом с ноутбуком стояла небольшая керамическая кружка матового молочного цвета. Внутри — ветка эвкалипта и два

плотных тёмно-зелёных листа монстеры. Никакой записки. Никакой подписи. Просто что-то живое среди привычной стерильности моего рабочего пространства.

Я осторожно коснулась пальцами эвкалипта. Листья были прохладными и пахли свежестью.

— О, — Саша заглянула в кабинет с папкой под мышкой и тут же заметила композицию. — А это что у нас тут? Кира Соколова решила превратить кабинет в Pinterest?

— Понятия не имею, — слишком быстро ответила я.

— Ага, конечно, — протянула она с той убийственной интонацией, которая означала: «Я всё поняла, но пока молчу». — Ну, красиво. Живенько. А то у тебя тут атмосфера обычно как в переговорке налоговой.

— Спасибо за поддержку.

Она прищурилась, переводя взгляд с кружки на меня.

— Это ведь не от Макса.

— С чего ты взяла?

— Макс подарил бы как минимум кактус с глазами и подписью «держись, боец». Тут слишком… эстетично.

Я невольно усмехнулась. Слишком эстетично. Это действительно было очень в его духе. Просто выверенный жест, внимательный ровно настолько, чтобы его невозможно было назвать случайным. И достаточно нейтральный, чтобы всегда можно было отступить обратно в деловую дистанцию.

— Ладно, — Саша хлопнула папкой по ладони. — Не буду мешать твоему загадочному ботаническому роману. У тебя через десять минут созвон века.

— Спасибо, что напомнила, — пробормотала я.

Когда она ушла, я ещё пару секунд смотрела на кружку. Потом взяла ноутбук и направилась в переговорную.

К одиннадцати внутри уже всё дрожало от напряжения — не панического, нет. Скорее от слишком острого осознания, что сегодня мы с Антоном впервые будем работать вместе по-настоящему. Не как начальник и сотрудник, проверяющие друг друга на прочность, а как люди, которым предстоит сделать что-то важное.

Переговорная встретила прохладой и тишиной. Я устроилась за столом, открыла ноутбук, проверила звук, камеру, заметки. Ровно в одиннадцать пришло уведомление о входящем подключении. Я нажала «принять». Его лицо появилось на экране почти сразу. Тёмно-синяя рубашка с расстёгнутым воротом, волосы всё такие же непослушные, будто он снова провёл рукой по ним за секунду до звонка. За его спиной — панорамное окно кабинета и утренний город. Он выглядел собранным, но когда его взгляд остановился на мне, в нём мелькнуло что-то едва уловимое. Быстрая оценка и почти незаметное облегчение.

— Доброе утро, Кира, — произнёс он. — Как нога?

Я моргнула. Вопрос прозвучал так естественно, что на секунду выбил меня из равновесия.

— Уже лучше. Спасибо.

— Ходить можете без героизма?

— Стараюсь.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Это прогресс.

Пауза длилась всего секунду, но странным образом успела стать слишком личной. И он сам первым вернул нас обратно в рабочую плоскость.

— Отлично выглядите, кстати, — спокойно сказал он. — Значит, восстановление идёт по графику.

Я даже не сразу поняла, что он сделал мне комплимент.

— Спасибо, — ответила я чуть тише.

Он кивнул и уже другим тоном продолжил:

— Агент подключится через пару минут. Давайте быстро сверим позиции, чтобы не дублировать вопросы.

Мы быстро проходились по пунктам. Он называл направление — я дополняла деталями. Я подхватывала его мысли почти раньше, чем он успевал закончить фразу. Он реагировал мгновенно, без пауз, будто давно привык работать со мной в таком ритме.

— Если Смит снова уйдёт в разговоры о наследии Марковой, — сказал Антон, просматривая заметки, — возвращайте его к правам на публикацию. Он любит красивую историю и начинает забывать про детали сделки.

— А если начнёт давить эксклюзивностью?

— Будет давить, — спокойно ответил он. — Поэтому не спорьте с ценностью материала. Сомневайтесь в сроках доступа. Для агентов это больнее.

Я невольно усмехнулась.

— Жестоко.

— Эффективно.

— Вы всегда такой?

Он перевёл взгляд на камеру.

— Какой?

— Хладнокровный.

— Нет, — неожиданно честно ответил он. — Просто научился не показывать лишнего на переговорах.

И прежде, чем я успела что-то ответить, в звонок вошёл Джонатан Смит. Следующий час пролетел как один длинный вдох. Антон действительно был великолепен в работе. Не давил, не перетягивал внимание на себя, не демонстрировал превосходство. Он выстраивал разговор так, будто незаметно прокладывал рельсы под движущийся поезд. Когда агент уходил в сторону, Антон мягко возвращал его обратно. Когда разговор становился слишком формальным — добавлял нужную интонацию. Когда появлялось окно для важного вопроса — почти незаметным взглядом или кивком передавал инициативу мне.

Когда разговор наконец завершился и агент отключился, в конференции снова остались только мы двое. Антон медленно откинулся в кресле и провёл рукой по волосам. Впервые за всё время он выглядел не идеальным главным редактором, а просто уставшим человеком после напряжённых переговоров.

— Это было сильно, — сказал он тихо. — Вопрос про публичный образ — очень точно.

— Вы специально подтолкнули меня к нему.

— Потому что вы почувствовали правильный момент раньше меня. Хорошая работа, Кира, — добавил он.

Я отвела взгляд, чувствуя, как внутри снова начинает опасно смещаться равновесие. Тогда он вдруг слегка наклонился к камере.

— Кстати, о вашем кабинете. Насчёт кружки… — начал он. — Я заметил, что у вас там довольно… скучненькая атмосфера.

— Это называется порядок.

— Это называется интерьер человека, который мало спит и питается дедлайнами.

Я уставилась на него. Он сказал это абсолютно серьёзным тоном, и только глаза выдали — он шутил. Очень осторожно и почти неумело.

— А эвкалипт? — спросила я, не удержавшись.

— У него хороший запах. Помогает сосредоточиться.

На секунду между нами повисло что-то странное, потому что я вдруг слишком ясно представила, как легко можно привыкнуть к таким моментам. К этим коротким обменам взгля-

дами, его сухому юмору, вниманию, которое он маскирует под рациональность. Он первым разрушил паузу. Посмотрел на часы.

— Через десять минут у меня встреча с финансистами, — сказал уже привычным деловым тоном. — Сканы дневников пришлют вечером. Ознакомьтесь первой, пожалуйста. Мне важно ваше мнение до общей редакционной планёрки.

— Хорошо, — тихо ответила я.

— Тогда до связи.

Экран погас. Я осталась одна в переговорной, глядя на собственное отражение в чёрном мониторе. Созвон прошёл идеально. Мы работали вместе так, будто делали это много лет. Всё было безупречно. Всё было правильно. Хотелось кричать, потому что за этой безупречностью скрывался человек, которого я совершенно не понимала. Человек, способный холодно разбирать редакцию по винтикам, а через несколько часов — молча поддерживать меня на тёмной лестнице. Человек, который мог заказать печенье через Лили так, будто это не жест заботы, а идеально продуманная дипломатическая операция. Который ставил на мой стол эвкалипт «для концентрации» и в ту же минуту вёл переговоры так, словно всю жизнь только этим и занимался.

Я вернулась в кабинет и закрыла за собой дверь. Кружка с эвкалиптом стояла рядом с фоторамкой, наполняя воздух лёгким смолистым ароматом. Я медленно села в кресло, положила ладони на столешницу и закрыла глаза. Игра больше не была борьбой за территорию. Она изменилась. Теперь мы не стояли по разные стороны поля, а нас поставили в одну связку. Временную, вынужденную — но опасно рабочую. Совместная работа требовала хотя бы минимального доверия. Хотя бы профессионального. А доверять человеку, которого не можешь просчитать, — всё равно что идти по тонкому льду и слышать под ногами треск, не понимая, выдержит он тебя или нет. Но выбора не было, дневники Марковой были слишком важны. Слишком редки. Это был материал, способный изменить всё — номер, журнал, репутацию. И Антон Черкасов, как бы меня это ни раздражало, действительно был ключом к этой возможности. Придётся играть по его правилам, но с одним условием: я не перестану пытаться его разгадать. Потому что в этой загадке, я чувствовала, скрывалось всё. И причина, по которой он появился в «Вершине». И то, зачем он так методично разрушает дистанцию, которую сам же выстраивает заново. И, возможно, ответ на вопрос, как не потерять себя рядом с человеком, который умеет быть одновременно ледяным и неожиданно внимательным.

К концу дня пришли первые сканы дневников Марковой. Я читала, почти забывая дышать. Неровные строки, заметки на полях, внезапные провалы в мыслях, резкие переходы от бытовых мелочей к почти болезненной откровенности — это было не просто хорошо. Это было опасно хорошо. Такой текст нельзя публиковать напрямую. Он либо уничтожит читателя своей искренностью, либо превратится в дешёвую сенсацию.

Когда часы перевалили за полночь, я поняла, что уже двадцать минут смотрю в один и тот же абзац. Глаза жгло от усталости. В квартире стояла абсолютная тишина. Я посмотрела на телефон. Писать сообщение казалось странно интимным. Слишком личным для этого часа, поэтому я просто нажала вызов. Он ответил почти сразу. будто ждал звонка.

— Кира, — его голос прозвучал ровно, спокойно, с легкой хрипотцой, которая придавала шарма. — Что случилось?

Я на секунду прикрыла глаза. Почему-то от того, что он сразу спросил именно это, внутри что-то дрогнуло.

— Ничего критического, — тихо сказала я. — Простите за поздний звонок. Я… дочитала материалы.

На том конце повисла короткая пауза. Я почти увидела, как он откидывается в кресле и снимает очки — если они вообще у него были.

— И? — спокойно спросил он.

— Это невозможно публиковать напрямую.

— Согласен, — ответил он сразу. — Давление текста слишком сильное. Читатель либо утонет в нём, либо начнёт воспринимать это как исповедь ради эффекта.

— Нужен фильтр, — сказала я, вставая и подходя к окну. — Но не холодный редакторский. Не дистанция. Что-то… художественное. Почти призрачное.

Он молчал буквально секунду, а потом произнёс:

— Эссе от третьего лица. Где повествование ведёт не она сама, — продолжил он тихо, — а условный голос памяти. Дневник как эхо человека, которого уже невозможно поймать напрямую.

У меня перехватило дыхание. Настолько точно, настолько в самую суть. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу.

— Да, — выдохнула я почти шёпотом. — Именно так. Это… это удержит баланс. И сохранит её интонацию.

— Ваше чутьё на подобные вещи впечатляет, — сказал он наконец.

В его голосе было то редкое сухое одобрение, которое у него почему-то звучало ценнее любых комплиментов. Я невольно улыбнулась.

— Вы сейчас сделали то же самое.

— Возможно, — в его голосе мелькнуло что-то похожее на усталую усмешку. — Просто у нас с вами одинаковая профессиональная деформация.

Я тихо рассмеялась. Первый раз за весь разговор. И вдруг поняла, насколько поздно сейчас. Насколько странно, что мы вдвоём обсуждаем чужие дневники среди ночи так, будто это самое естественное занятие в мире. Он, кажется, подумал о том же, потому что спустя секунду сказал уже мягче:

— Кира. Завтра в девять приходите ко мне. Попробуем собрать структуру, пока ощущение текста ещё живое.

— Хорошо.

— И ещё.

Он сделал небольшую паузу. Едва заметную, но почему-то от неё у меня снова напряглись плечи.

— Закройте ноутбук.

— Что?

— Вы устали, — спокойно сказал он. — Это слышно. Материал никуда не исчезнет за ночь, а вы мне нужны в рабочем состоянии. Не в разобранном.

Последняя фраза прозвучала почти жёстко, но почему-то именно от этого внутри стало ещё теплее и опаснее одновременно. Я опустила взгляд на тёмный экран окна, в котором отражалась собственная усталая фигура.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Постараюсь быть функциональной к девяти утра.

На том конце послышался очень короткий выдох, даже кажется смешок.

— Уже лучше, — произнёс он.

И это было настолько неожиданно человечески, что я на секунду потеряла способность что-либо отвечать.

— Спокойной ночи, Кира.

— Спокойной ночи, Антон.

Я первой сбросила звонок и ещё долго стояла у окна с телефоном в руке, слушая тишину квартиры.

На следующее утро я ехала в офис с привычным, но сегодня особенно острым чувством внутренней собранности. Встреча в девять уже крутилась в голове как натянутая струна: струк-

тура эссе, подача дневников, тон публикации, возможные риски. Я мысленно перебирала аргументы, почти не замечая дороги за окном такси.

Когда двери «Вершины» разъехались передо мной, в лицо ударил знакомый запах кофе, полированного камня и кондиционированного воздуха. Всё было спокойно и привычно, так как мне всегда нравилось. Ровно до того момента, пока я не услышала за спиной смех. Слишком знакомый, чтобы быть правдой.

— Антон! Старина, поздравляю! — раздалось за спиной. — Не мог не заехать лично. Такой повод!

У меня внутри всё резко, болезненно сжалось. Я остановилась посреди холла, ещё не оборачиваясь. Узнала голос мгновенно, тело среагировало раньше сознания — холодом под рёбрами и странной слабостью в коленях. Только не сейчас.

Я медленно повернула голову. Игорь стоял в центре залитого утренним светом холла так, будто всегда принадлежал этому месту. Светлая куртка, дорогие кроссовки, расслабленная улыбка человека, который привык нравиться всем вокруг. Его золотистые волосы были нарочито небрежно уложены, а взгляд сиял той самой опасной, почти обезоруживающей теплотой, за которую люди прощали ему слишком многое. Рядом с ним стоял Антон. В чёрных свободных брюках и тёмном джемпере с расстёгнутой молнией у горла. Он казался абсолютно чужим на фоне яркого, шумного Игоря.

Игорь хлопнул его по плечу ещё раз, слишком фамильярно, слишком легко. Антон ответил коротким кивком. Только тогда я заметила, что он уже несколько секунд смотрит на часы. Потом его взгляд поднялся и остановился на мне. На долю секунды в его лице что-то изменилось. Почти незаметно чуть напряглась линия челюсти, взгляд стал острее. Игорь проследил за направлением его взгляда и тоже обернулся. Его голубые глаза расширились.

— Боже правый… — выдохнул он с совершенно искренним удивлением. — Кира Соколова? Нет, подожди. Серьёзно?

Он тут же пошёл ко мне — широко, уверенно, как человек, который всегда считает себя желанным гостем. Я стояла неподвижно, вцепившись пальцами в ремешок сумки. Прошлое вдруг оказалось слишком близко.

— Игорь, — сказала я, заставляя себя улыбнуться. — Какая неожиданная встреча.

— Неожиданная? Да это лучший сюрприз за месяц! — рассмеялся он.

Подойдя ближе, он без спроса взял мою руку и театрально коснулся губами пальцев. Раньше этот жест казался обаятельным. Теперь — почти омерзительным.

— Ты вообще не изменилась, — продолжил он легко. — Всё такая же… эффектная.

Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Конечно. Именно это он всегда говорил первым. Не «умная». Не «талантливая». Не «сильная». Эффектная.

— А я слышал, ты здесь почти легенда, — продолжал Игорь с улыбкой. — Большой человек в издательстве. Впечатляет.

— Работаю, как видишь, — сухо ответила я.

Он будто не заметил холодности. Обернулся к Антону, который уже подошёл ближе, но остановился чуть в стороне, наблюдая.

— Мы с Кирой сто лет знакомы, — сообщил Игорь с видом человека, рассказывающего милую историю. — Ещё с университета. Да, Кир? Господи, это же сколько лет прошло…

— Достаточно, — коротко ответила я.

— А с Антоном мы вообще пережили академический ад вместе, — засмеялся он. — Этот человек был гением-затворником ещё тогда. Пока все жили нормальной студенческой жизнью, он писал аналитические статьи так, будто собирался захватить медиарынок.

Антон ничего не ответил. Только смотрел на Игоря тем самым спокойным взглядом, от которого даже мне временами становилось не по себе.

— А Кира тогда была яркой первокурсницей, — продолжал Игорь. — Все на неё оборачивались.

Он снова переписывал прошлое, стирая всё неудобное. Превращая чужую боль в красивую, безопасную байку.

— Кира сейчас руководитель Elite, — сказал Антон. — И лучший ведущий-редактор в доме.

Это прозвучало настолько чётко и весомо, что даже Игорь слегка моргнул. Антон не поддержал игру в воспоминания. Не позволил свести меня к «яркой первокурснице».

— Ну тогда я тем более впечатлён, — быстро сориентировался Игорь. — Значит, вы теперь работаете вместе? Интересный союз.

В его улыбке мелькнуло что-то цепкое. Он смотрел то на меня, то на Антона слишком внимательно, будто пытался нащупать невидимое напряжение между нами.

— Ладно, не буду вас задерживать, — наконец сказал он. — У вас, похоже, большие дела. Антон, ещё раз поздравляю. Правда рад за тебя.

Он снова хлопнул его по плечу. Антон даже не дрогнул.

— Кира, — Игорь повернулся ко мне, — надо обязательно как-нибудь увидеться нормально. Выпить кофе. Вспомнить былое.

— Вряд ли это хорошая идея, — ответила я раньше, чем успела смягчить фразу.

На секунду его улыбка едва заметно застыла.

— Ты всё такая же прямолинейная, — усмехнулся он. — Это даже приятно.

И ушёл. Так же легко и красиво, как появился, оставляя после себя запах дорогого парфюма и ощущение, будто в идеально выстроенную реальность внезапно бросили камень. Холл снова погрузился в тишину. Я медленно выдохнула и только тогда поняла, насколько сильно напряжены мои плечи. Антон молчал. Я чувствовала его взгляд ещё до того, как подняла глаза.

— Вы знакомы давно, — произнёс он наконец.

— Да, — ответила я. — Очень давно.

Он несколько секунд смотрел на меня так, будто сопоставлял детали какой-то внутренней схемы.

— Он производит хорошее первое впечатление.

Я нервно усмехнулась.

— В этом Игорю всегда было сложно отказать.

Антон слегка наклонил голову.

— Обычно люди вроде него этим и опасны.

Я резко посмотрела на него. Слишком точная формулировка.

— Вы его не любите? — спросила я.

— Я ему не доверяю, — так же спокойно ответил он. — Это разные вещи.

Пауза растянулась между нами тонкой проволокой.

— Если когда-нибудь возникнет необходимость, у службы безопасности есть на него информация.

У меня внутри всё похолодело.

— Информация? — переспросила я тихо.

— Досье, — уточнил он без эмоций. — На случай потенциальных репутационных рисков для издательства.

Он произнёс это абсолютно деловым тоном, но у меня сердце ударилось о рёбра слишком сильно.

— Понятно, — выдавила я.

Антон продолжал смотреть на меня ещё секунду. И вдруг его голос стал чуть мягче.

— Кира. Вам не нужно объяснять мне что-то.

Эта фраза прозвучала неожиданно бережно. А потом он вернулся к своей обычной собранности так резко, будто предыдущих слов не было вовсе. Бросил взгляд на часы.

— У нас встреча через семь минут, — сказал он. — Советую потратить их на кофе и восстановление дыхания.

Я невольно усмехнулась.

— Это настолько заметно?

Антон усмехнулся и направился к лифтам. Я осталась стоять посреди холла, провожая его взглядом. Прошлое только что вернулось в мою жизнь в лице Игоря. Но куда сильнее меня сейчас пугало другое. Антон Черкасов всё чаще оказывался не угрозой, от которой хотелось защищаться, а человеком, рядом с которым я неожиданно чувствовала себя… в безопасности.

Лифт понёс меня наверх. До встречи оставалось несколько минут. Нужно было собраться, успокоить дрожь в руках и вытолкнуть из головы ослепительную улыбку Игоря, то липкое чувство, которое всегда оставалось после него — будто тебя только что аккуратно вскрыли по старому шву.

Но вместо Игоря в мыслях всё равно возникал другой человек.

«Обычно люди вроде него этим и опасны».

Я прислонилась затылком к прохладной стенке лифта и медленно выдохнула. Что именно Антон знал? И почему сказал это так… вовремя?

Двери открылись мягким звоном. Этаж «Elite» встретил меня привычной тишиной, приглушёнными голосами из дальних кабинетов и запахом кофе. Здесь всё было иначе, чем внизу. Будто сам воздух фильтровал лишние эмоции. Я прошла к своему кабинету, бросила сумку на кресло и быстро собрала папки с распечатками дневников. Нужно было срочно занять голову работой. Чем угодно, лишь бы не воспоминаниями.

Когда я вошла в кабинет Черкасова, было только начало десятого. Утро всё ещё ощущалось сырым и серым. Дождь мелко бил в панорамные окна, оставляя на стекле размытые дорожки, а город внизу тонул в привычной московской спешке — сигналы машин, плотный поток людей с кофе в руках, мигающие фары в пробке. В кабинете пахло свежим кофе и бумагой.

Антон стоял у стола, просматривая распечатки дневников Марковой. Тёмная рубашка, закатанные рукава, очки, которые он надевал только во время работы с текстами. Свой синий джемпер он видимо снял. Я закрыла за собой дверь чуть громче, чем собиралась. Антон поднял взгляд и почти сразу нахмурился.

— Я, кажется, просил вас сначала успокоиться.

Я молча положила папку на стол.

— Дневники Марковой.

— Вижу.

Он продолжал смотреть на неё ещё секунду дольше, чем было необходимо. Я отвернулась к окну раньше, чем этот взгляд начал ощущаться слишком личным. После Игоря внутри осталось мерзкое чувство эмоциональной грязи.

Словно меня снова ненадолго отбросило в девятнадцать лет — в то время, когда любое его слово почему-то определяло настроение на несколько дней вперёд. За спиной послышался шелест бумаги.

— Он всегда так разговаривает с вами? — спросил Антон.

Я резко обернулась.

— Простите?

Он поднял взгляд от записей.

— Игорь.

Имя прозвучало слишком спокойно, будто мы обсуждали погоду. Но что-то в его интонации всё равно заставило внутренне напрячься.

— Вы знакомы?

Антон медленно снял очки и положил их на стол.

— Учились вместе.

— Серьёзно? — его ответ заставил меня невольно нахмуриться.

— Последний курс. Вы тогда были первокурсницей.

На секунду всё внутри будто споткнулось. Я смотрела на него, пытаясь уложить это в голове. Журфак. Старое здание университета. Переполненные аудитории. Редакция студенческой газеты. Вечные компании старшекурсников у лестниц. Игоря я помнила идеально. Но Антона…Память упрямо выдавала пустоту.

— Я вас не помню, — честно сказала я.

Что-то едва заметно изменилось в его лице.

— Я знаю.

Эти два слова почему-то прозвучали слишком тихо. Я медленно подошла ближе к столу.

— Подождите… вы меня помните?

— Ты была сложной.

Я замерла, потому что только через секунду поняла: он сказал «ты была».

Без привычной официальной дистанции. Слишком лично. Кажется, Антон понял это одновременно со мной, потому что между нами на мгновение повисла странная пауза. Я медленно выпрямилась.

— Вы только что почти перешли на «ты»?

Уголок его губ дрогнул. Очень слабо.

— Почти?

— Это была попытка.

— Возможно.

Он снова посмотрел на меня — спокойно, внимательно, слишком прямо. И именно этот взгляд вдруг заставил нервничать сильнее самой оговорки, потому что в нём не было смущения. Только усталое ощущение человека, который слишком долго держал дистанцию и начал уставать от этого. Я скрестила руки на груди.

— Так откуда вы меня помните?

За окнами серое утро медленно растворялось в дожде. Антон опустил взгляд на бумаги, будто несколько секунд решал, стоит ли вообще отвечать честно.

— Вы постоянно спорили с преподавателями.

— Что?

— Особенно на лекциях по медиаправу. И перебивали людей, когда слышали откровенную глупость.

— Откуда вы вообще это помните?

Теперь он смотрел прямо на меня, и вот воздух в кабинете действительно изменился, потому что в его взгляде вдруг появилось что-то слишком личное.

— Потому что я слишком много о вас помню.

Сердце предательски сбилось с ритма. Я нервно усмехнулась, пытаясь вернуть разговор в привычные безопасные рамки.

— То, что вы всё обо мне знаете, уже начинает напоминать одержимость.

На секунду мне показалось, что он сейчас отшутится, но Антон вдруг очень спокойно спросил:

— И что вы будете делать, если я скажу, что действительно одержим вами?

Воздух будто стал тяжелее. Он произнёс это слишком ровно и серьёзно. На одно короткое мгновение мне показалось: он не шутит. Я смотрела на него, не понимая, что отвечать. Антон выдержал паузу ещё секунду, а потом всё-таки усмехнулся и снова открыл папку с дневниками.

— Расслабься, Кира, — спокойно сказал он. — Это был бы крайне проблемный способ начинать рабочий день в девять утра.

— У вас отвратительное чувство юмора.

— У меня вообще нет чувства юмора. Просто иногда я говорю вещи не слишком серьёзным тоном.

Я закатила глаза и отвернулась к окну, пытаясь скрыть, насколько сильно всё ещё колотится сердце. Это была шутка. Только почему тогда мне до сих пор казалось, что воздух в кабинете стал плотнее? За спиной снова послышался шелест бумаги. Совершенно нормальный рабочий звук. Почему-то именно это помогло немного прийти в себя.

— Значит… — начала я, всё ещё глядя на серый дождливый город за стеклом. — Вы… ты всё это время меня помнил?

Я запнулась, пытаясь привыкнуть к формату общения. Слово «ты» прозвучало непривычно, будто я пыталась переступить через что-то невидимое. За спиной послышалась тихая усмешка.

Я медленно обернулась. Антон смотрел на меня поверх раскрытых дневников, и в его взгляде впервые за всё время знакомства появилось что-то почти мягкое. Это почему-то смутило сильнее любого флирта.

— Да, — спокойно сказал он. — Помнил.

Я скрестила руки на груди, пытаясь вернуть себе хоть какое-то ощущение контроля.

— Это немного пугающе.

Уголок его губ снова дрогнул, и я вдруг с раздражающей ясностью поняла, что мне нравится видеть его таким. Антон снова опустил взгляд в бумаги.

— Сядь, — спокойно сказал он. — Нам всё ещё нужно работать с Марковой.

Я автоматически подошла к столу и только в тот момент, когда села напротив него, поняла, насколько естественно прозвучало это «сядь». Так, будто дистанция между нами действительно уже сместилась и мы оба молча это приняли. Хотя я — не до конца.

Антон пролистал несколько страниц.

— Ты выделила повторяющиеся фрагменты про издательство?

— Да. Я подумала, что если вы… если ты прав насчёт давления со стороны редакторов, это может быть важно.

Антон снова тихо усмехнулся, а я сразу подняла на него взгляд.

— Даже не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Но очень выразительно молчишь.

— Тебе показалось.

— У тебя ужасно довольное лицо.

— Правда?

В его голосе прозвучало слишком явное удовольствие. Я почувствовала, как внутри мгновенно вспыхивает раздражение, и почему-то вместе с ним — совершенно неуместное тепло. Антон откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на меня с этим своим невозможным спокойствием.

— Мне просто нравится, как ты каждый раз пытаешься исправиться.

— Это профессиональная привычка.

— Нет, Кира, — уголок его губ снова дрогнул. — Это паника.

Я возмущённо выдохнула.

— Ничего подобного.

— Конечно.

Эта его спокойная уверенность действовала на нервы пугающе эффективно. Особенно потому, что он был прав. Каждый раз, когда я пыталась сказать ему «ты», внутри всё странно сжималось. Будто переход через эту границу делал происходящее между нами слишком реальным. Антон снова посмотрел в документы, но улыбка всё ещё оставалась в уголках губ.

Собираясь на встречу с друзьями после работы, я машинально пролистывала почту. Рабочие уведомления. Правки. Отраслевые рассылки. Несколько писем от авторов с пометкой «срочно», которые спокойно могли подождать до утра. Мысли всё равно упрямо возвращались обратно — в кабинет Черкасова, в утренний дождь за панорамными окнами, в его спокойное: «Потому что я слишком много о вас помню».

Даже спустя целый день от одного воспоминания внутри всё неприятно сжималось. И хуже всего — я до сих пор не понимала, где именно у него заканчивается ирония и начинается что-то настоящее. Телефон тихо завибрировал в руке, возвращая меня к реальности. Новостная рассылка. Что-то про таблоиды и борьбу за аудиторию. Среди заголовков мелькнуло название «Гром». Я машинально пролистнула дальше. «Гром» был для меня просто ещё одним жёлтым изданием, существующим где-то на периферии индустрии. Одним из десятков медиа, живущих на скандалах, клик бейте и чужих драмах.

Через полчаса я уже сидела с друзьями в пабе. Здесь было шумно, тесно и неожиданно хорошо. Макс спорил с барменом о музыке так эмоционально, будто от этого зависело будущее российской журналистики. Ленка показывала фотографии со светской съёмки, комментируя чужие наряды с той жестокостью, которая доступна только очень красивым женщинам. Саша в сотый раз утверждала, что редакция держится исключительно на кофеине, тревожности и коллективной психической нестабильности. И рядом с ними мне наконец стало легче дышать.

— Нет, серьёзно, — возмущался Макс. — Черкасов смотрит на людей так, будто заранее знает, где именно они облажаются.

Я усмехнулась, делая глоток вина.

— Он напоминает мне Тириона Ланнистера, если бы того лишили чувства юмора.

Все рассмеялись и напряжение внутри наконец немного отпустило. Ровно до того момента, пока Ленка не протянула мне телефон.

— Кстати, это не тот парень с журфака?

Я опустила взгляд на экран. На фотографии среди вспышек камер и бокалов шампанского стоял Игорь. Он обнимал за плечи какую-то светловолосую девушку, улыбался — широко, идеально, уверенно. Так, будто за эти годы у него вообще ничего не изменилось. У меня внутри неприятно кольнуло.

— Кто это? — тут же спросила Саша, заметив выражение моего лица.

— Никто, — слишком быстро ответила я и потянулась за бокалом. — Старый знакомый.

Макс коротко переглянулся с Ленкой. К счастью, никто не стал продолжать развивать эту тему.

Сообщение пришло в 23:47. К тому моменту я уже ехала домой. После двух бокалов вина город за окном казался мягче, а мысли — медленнее. Дождь всё ещё шёл, дворники ритмично стирали воду со стекла такси, а телефон завибрировал где-то в сумке. Я достала его почти машинально, ожидая увидеть мем от Макса или очередное: «ты жива?»

Незнакомый номер. Я открыла сообщение.

«Кира, привет! Это Игорь) Нашёл твой номер через общих знакомых, надеюсь, не против. Видел сегодня тебя — впечатлён. Ты очень выросла. Давай встретимся? У меня сейчас пара интересных проектов, и мне кажется, мы могли бы быть полезны друг другу. Я заеду за тобой завтра в восемь, если ты не против».

Я перечитала сообщение дважды. Потом ещё раз. Шесть лет тишины и вот это:

«ты очень выросла». Будто раньше я действительно была для него просто глупой девочкой. Меня передёрнуло. Хотелось закрыть чат. Проигнорировать. Сделать вид, что его просто не существует. Но пальцы уже печатали ответ гораздо быстрее, чем включился здравый смысл.

«Привет. Да, неожиданно) Можно встретиться. Только без “заеду”. Забери меня лучше после работы.»

Сообщение улетело почти мгновенно. И только после этого я поняла, что именно сделала. Я резко заблокировала телефон и убрала его обратно в сумку, будто могла физически спрятать собственную импульсивность. За окном тянулись мокрые огни города. Именно в этот момент я вдруг подумала об Антоне. В груди неприятно сжалось. Сказать ему? Мысль появилась слишком быстро. С какой стати мне вообще хотелось рассказать Черкасову о встрече с человеком, который когда-то так унизительно меня отшил? Мы даже не близки. Эта мысль прозвучала неубедительно даже в моей собственной голове. Такси свернуло во двор.

Лифт медленно полз вверх, отражая меня в зеркальной стенке кабины — уставшую, чуть раскрасневшуюся после вина и холода, с напряжённым взглядом человека, который сам не понимает, что с ним происходит. Я вошла в тёмную квартиру, не включая свет и ещё долго стояла в прихожей, слушая шум воды в трубах и собственное слишком быстрое дыхание. Почему-то сильнее всего меня пугала не предстоящая встреча с Игорем, а то, что первым человеком, о котором я подумала после его сообщения, оказался совсем не он.

Глава 4.

Утро наступило слишком рано и было слишком трезвым. Я открыла глаза, и первой мыслью было: *зачем я это сделала*.

Потянулась к телефону. Экран вспыхнул, и сообщение Игоря встретило меня ровно там, где я его оставила — вчера, пьяная, глупая, слишком быстрая на ответ.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я отложила телефон экраном вниз и уставилась в потолок. Он тогда просто ушёл. Вежливо, спокойно, с этим своим мягким голосом и тёплой улыбкой, от которой у меня всё равно подкашивались колени. Идиотка. С какой стати я вообще ответила? С какой стати согласилась?

Я села в кровати, отбросила одеяло. Нет, я знаю с какой. Вчера было вино. Вчера было «Стерео», Ленка с её дурацкими тостами «за нас, красивых и независимых», и ощущение, что мне двадцать четыре, я состоялась, я справляюсь, я — та, кого уже невозможно ранить. А оказалось — можно. Оказалось, достаточно одного сообщения, и внутри что-то ёкает, и пальцы сами набирают ответ, и та девочка, которая шесть лет назад смотрела ему вслед, всё ещё жива и всё ещё ждёт доказательств, что она была недостаточно хороша.

Но ведь это не так. Я знаю, что не так. У меня есть работа, у меня есть уважение коллег, у меня есть «Elite» — проект, который заставляет меня вылезать утром из кровати. Я не нуждаюсь в его одобрении. Я не нуждаюсь в том, чтобы он увидел, какой я стала, и пожалел, что отпустил. Не нуждаюсь.

Я посмотрела на телефон. Написать «передумала»? Сослаться на занятость, на внезапный аврал, на плохое самочувствие? Ещё не поздно. Не написала.

В офис я приехала к десяти. Рабочий загруженный вторник, никого, только дежурный охранник на ресепшене и тишина в опенспейс. Наши с Сашей столы сиротливо темнели без мониторов, кофемашина равнодушно моргала красным. Проходя мимо, я машинально провела пальцем по стойке, проверила, вытерли ли пыль.

Я включила компьютер, открыла документы. «Elite» лежал ровными слоями: концепция, структура, пул авторов, предварительный бюджет. Саша справлялась. За этот месяц она взяла на себя текучку так ловко, будто всю жизнь только этим и занималась, а не писала разгромные статьи о городских проблемах. Я могла сосредоточиться на стратегии, на долгих разговорах с Антоном о tone of voice, о визуальном коде, о том, как сделать так, чтобы новый журнал не затерялся среди глянцевых великанов «Вершины». Могла, но сегодня цифры не складывались.

В одиннадцать зашёл Антон. Я узнала шаги ещё до стука: ровный, уверенный ритм, никакой суеты. Он всегда так ходит — будто несёт в себе какой-то внутренний стержень, который не позволяет сутулиться даже в нерабочее время. Я повернулась, и он уже стоял в проёме, чуть прислонившись плечом к косяку.

— Работаешь? — спросил он. В руке знакомый термостакан с чёрным кофе, никаких логотипов — свой, принесённый из дома.

— Как всегда, — ответила я. Голос получился ровным, даже слишком.

Он не уходил. Смотрел куда-то в сторону окна, потом перевёл взгляд на монитор.

— Я тут подумал, — сказал он, помолчав. — По поводу дневников.

Я откинулась на спинку кресла, давая понять, что слушаю.

— Мы работаем в разных кабинетах, разные этажи, встречаемся по расписанию. Это формально правильно, но для такого проекта — неэффективно.

— Ты предлагаешь увеличить количество встреч? — уточнила я.

— Я предлагаю мне переехать, — он сказал это так буднично, будто речь шла о перестановке стула. — На время работы над дневниками. Сюда, на ваш этаж.

— В смысле — переехать?

— Есть свободное место у окна, рядом с твоим кабинетом. Я поговорил с администраторами, они не против. Если ты не против.

Я смотрела на него и пыталась понять, шутит он или нет. Антон Черкасов, главный редактор самого влиятельного издательского дома «Вершина», человек, которому весь небоскрёб в подчинение, — хочет перетащить свой ноутбук в наш опенспейс? Сидеть рядом с Сашей, с Леной, с вечно гремящим принтером и вечно пустующим кулером?

— Зачем? — спросила я прямо.

— Хочу прочувствовать, — ответил он. — Атмосферу. Издательский дом— это большой механизм, я в нём давно, но ваш журнал — это как будто другая среда. Здесь делают то, что люди действительно читают. Здесь нет протокола, есть живая реакция. Я хочу понять, как это работает, изнутри.

Он говорил спокойно, без тени сомнения, но я вдруг поймала себя на мысли, что он не договаривает. Что за этим «прочувствовать» стоит что-то ещё. Что-то, что он не готов произнести вслух.

— Это временно, — добавил он, будто прочитав мои мысли. — Только на период запуска.

— Хорошо, — сказала я. — Я не против.

Он кивнул, коротко, как ставят галочку в списке дел.

— Спасибо. Завтра перевезу вещи.

Он развернулся, сделал шаг к двери, остановился.

— Ты сегодня поздно заканчиваешь?

Вопрос прозвучал небрежно, почти между прочим, но почему-то в нём мне почудилась пауза — слишком длинная и наполненная.

— Нет, — ответила я. — Часов в семь освобожусь.

Он кивнул, не оборачиваясь, и вышел. Я смотрела на дверь, которая мягко закрылась за ним. В ушах всё ещё стояло: «перееду к вам», «прочувствовать атмосферу», «ты сегодня поздно заканчиваешь?».

Я перевела взгляд на телефон. Сообщение Игоря висело в чате — всё такое же тёплое, уверенное, слегка собственническое. «Заеду за тобой к восьми».

Я не сказала Антону. Не потому, что скрываю. Просто это не его дело. Встреча вечером — моё личное время, моя личная жизнь. Антон — начальник, коллега, скоро просто сосед по этажу. Ему незачем знать, с кем я ужинаю по вечерам.

Я снова уткнулась в экран. Цифры плыли.

День тянулся бесконечно. Я перепроверила бюджет, перечитала концепцию, внесла правки, которые завтра всё равно придётся переделывать. В четыре пришла Саша — забыла зарядку, извинилась, что отвлекает. В пять Лена из фото отдела скинула мем про редакторские дедлайны, я отправила в ответ смайл. В шесть я закрыла ноутбук и пошла в уборную. Смотрела на себя в зеркало, поправляла волосы, которые и так лежали идеально. Тёмно-синий комбинезон. Минимальный макияж. Я собиралась с утра не думая, просто надела то, что обычно, но сейчас, в свете ламп дневного света, мне показалось — или я правда выгляжу иначе? Собраннее? Напряжённее?

Я вернулась в кабинет, села в кресло и уставилась в тёмный монитор. В коридоре было тихо. Антон, кажется, ушёл — я не слышала шагов, но свет в опенспейс уже не горел. Хорошо. Не придётся объяснять, почему я всё ещё здесь вечером, с накрашенными губами и трясущимися руками.

В 19:45 пришло сообщение.

«Я подъехал. Стою у центрального входа, на тёмной машине не привлекая внимания, как секретный агент) Не торопись.»

Немного суетливо я схватила сумку, пальто накинула на плечи на ходу. Выходя из кабинета, мельком глянула в сторону опенспейс — только кулер мерцает синим. Лифт спускался

слишком долго. Я смотрела на цифры этажей и думала: шесть лет. Целая жизнь. Работа, большой город, другой мужчина в моей жизни. Или почти другой. Или никакой. Двери открылись. Я вышла в холл, стеклянные двери разъехались в стороны, и я увидела его.

Он стоял у тёмного седана, в пальто, с лёгкой улыбкой, той самой, от которой у меня когда-то подкашивались колени. Шесть лет прошло, а он почти не изменился. Разве что взгляд стал спокойнее, увереннее. Взгляд человека, который точно знает, чего хочет.

— Кира, — сказал он, открывая передо мной дверь. — Ты прекрасно выглядишь.

Я села в машину. Запах кожи, парфюма, чего-то дорогого и чужого.

— Спасибо, — ответила я. Голос не дрогнул.

Он сел за руль, повернул ключ зажигания. Машина мягко тронулась с места, огни центрального входа поплыли назад. И только тогда, глядя, как в зеркале заднего вида тает знакомое здание «Вершины», я позволила себе признаться: я так и не решила, зачем я здесь. Хочу ли я что-то доказать ему. Или — кому-то другому. Водительское сиденье чуть отъехало назад, Игорь поправил зеркало, бросил быстрый взгляд в мою сторону.

— Я правда рад, что ты согласилась, — сказал он просто. — Боялся, что не ответишь.

Я промолчала. За окном зажглись вечерние огни. Мы ехали минут десять в тишине, но она не была неловкой. Игорь всегда умел так — заполнять паузы просто своим присутствием. В университете, когда мы работали над совместными проектами, меня это бесило. Казалось, ему всё равно, есть я рядом или нет. А сейчас я вдруг подумала: может, ему просто не нужно было говорить, чтобы я знала — он здесь.

— Как тебе «Вершина»? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги. — Я слежу за вашими проектами. «Городская среда» — сильная вещь. Твоя?

— Моя команда, — ответила я. — Я теперь скорее больше управляю, чем пишу.

— А жаль. Ты всегда хорошо чувствовала текст.

Комплимент, обёрнутый в сожаление. Он бросил быстрый взгляд в мою сторону и, кажется, что-то понял. Улыбнулся чуть шире.

— Ты действительно выросла, Кира.

Ресторан оказался в переулке, с невзрачной вывеской и тяжёлой дубовой дверью. Внутри — приглушённый свет, кожаные диваны, никакой суеты. Игорь заказал столик в углу, с хорошим обзором зала. Он снял пальто, повесил на спинку стула. Почти не изменился за шесть лет. Те же спокойные глаза, та же лёгкая полуулыбка.

— Расскажи о себе, — сказал он, когда официант принял заказ. — Не из отчётов и статей. Просто — как ты?

— Работаю, — ответила я. — Много. Сейчас запускаем новый проект, почти с нуля. Это выматывает, но интересно.

— Я слышал. Амбициозно. — он поднял бровь. — Не боишься, что «Вершина» задавит своей бюрократией?

— У меня хороший руководитель, — сказала я. — Он даёт свободу.

— Он? — Игорь хмыкнул чуть наклонил голову. — Значит, повезло с руководителем.

Я не стала уточнять. Не стала рассказывать про Антона, про его странное решение переехать на наш этаж, про то, как он смотрел на меня сегодня утром, задавая свой необязательный вопрос. Это не имело отношения к этому вечеру.

— А ты? — спросила я. — Чем теперь занимаешься? В сообщении было про «новые возможности».

Игорь хитро улыбнулся, слегка вальяжно откинувшись в кресле.

— Я теперь сам себе начальник. Консультирую, собираю команды под проекты. Иногда запускаю что-то своё. Сейчас, например, ищу людей для нового медиа. Хочешь посмотреть?

Он достал телефон, развернул ко мне экран. Я смотрела на концепцию, на слайды, на цифры предварительных расчётов и чувствовала, как внутри включается профессиональный интерес. Это было действительно хорошо. Свежо. Смело.

— А ты? — спросил он. — Не тянет начать своё?

— Тянет, — призналась я. — Но не сейчас. Сначала нужно вырастить «Elite».

Принесли ужин. Дальше говорили о проектах, о рынке, о том, куда движется индустрия. Игорь слушал внимательно, задавал точные вопросы, и в какой-то момент я поймала себя на том, что расслабилась. Этот вечер совсем не похож на то, чего я боялась. Никаких подтекстов. Просто разговор двух профессионалов, которые когда-то учились в одном универе, а теперь встретились случайно и обнаружили, что им всё ещё есть что сказать друг другу.

— Знаешь, — сказал он, когда официант унёс тарелки, — я боялся, что ты не захочешь меня видеть. После того случая.

Замерев на мгновенье, я поставила бокал на стол очень осторожно, чтобы не звякнуло стекло.

— Какого случая? — спросила я. Голос прозвучал ровно.

Он посмотрел на меня. В его взгляде не было привычной уверенности.

— Ты тогда подошла ко мне после экзаменов, и сказала, что хочешь поговорить, я... — Игорь замялся, словно пытаясь найти подходящие слова. — Я не знал, что ответить, — продолжил он. — Ты была младше, мы работали вместе, я выпускался. Мне казалось, что если я скажу что-то не то, сделаю только хуже. Что у тебя всё впереди, а я... я просто растерялся.

Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я никогда раньше не видела. Возможно, это было сожаление?

— Зачем ты меня нашёл? — спросила я прямо. — Спустя шесть лет. Зачем?

Он выдержал мой взгляд.

— Я не прошу начать сначала, — добавил он. — Я просто хочу, чтобы ты знала. И если ты позволишь мне снова быть в твоей жизни как друг… хотя бы как друг, — я сделаю всё, чтобы не испортить это снова.

В горле пересохло. Я взяла бокал, сделала глоток, но вкуса совсем не почувствовала.

— Я не знаю, — сказала я. — Это было так давно.

— Я понимаю, — кивнул он. — Никакого давления. Просто — теперь ты знаешь.

Он улыбнулся, и напряжение чуть отпустило. Снова стал просто Игорем — спокойным, уверенным. Но теперь я знала, что он помнит. Всё помнит.

Мы проговорили ещё час. О книгах, о путешествиях, о его жизни — он так и не женился, и в этом признании не было намёка. О моей жизни — я рассказала про Сашу, про Лену, про то, как перестала бояться высоты. Обо всём, кроме Антона. Его имя не прозвучало ни разу. Когда мы вышли на улицу, было уже за полночь. Игорь предложил подвезти, я отказалась — сказала, что возьму такси.

— Спасибо за этот вечер, — сказал он, глядя мне в глаза. — Я не забуду.

— Я тоже, — ответила я.

— Не могу тебя теперь просто так отпустить, — он улыбнулся, немного застенчиво, как мальчишка, — Если ты не против, хочу показать тебе ещё одно потрясающее место. Если ты свободна в следующую субботу. Заеду за тобой в семь.

Я лишь робко улыбнулась, кивнула и слегка помахала рукой на прощание. Он развернулся и пошёл к машине, а я смотрела, как тают в темноте красные огни, поймав себя на том, что внутри — ни облегчения, ни эйфории. Только усталость и странное, тягучее послевкусие, как от кофе, который пила слишком долго, и он успел остыть.

Такси приехало через пять минут.

Дома от бессилия я скинула пальто прямо на пуфик в прихожей, прошла на кухню, налила воды. В холодильнике ждал ужин, который я планировала приготовить ещё вчера, — свёрток с курицей сиротливо лежал на стеклянной полке. Я закрыла дверцу.

Телефон — на беззвучный. В душ — горячий, почти обжигающий. Стояла под струями, смотрела, как запотевает зеркало, и пыталась разобрать себя на части.

Шесть лет назад я репетировала признание перед зеркалом. Сегодня вечером он сказал: «Я не прошу начать сначала». И я почему-то почувствовала не облегчение, а глухую, некрасивую обиду. Чего я ждала? Что он упадёт на колени? Что попросит прощения за все эти годы? Он попросил. Я получила, что хотела. Тогда почему внутри так пусто?

Я выключила воду, долго стояла в полотенце, глядя на своё отражение в запотевшем зеркале. Потом размазала ладонью влагу и посмотрела себе в глаза.

— Ты идиотка, — сказала я вслух. — Он посмеялся тогда над тобой. А сегодня сказал правильные слова, и ты уже готова поверить, что всё было не зря?

Я ушла в спальню, упала лицом в подушку. В голове крутилось: «Я сделаю всё, чтобы не испортить это снова». Красиво сказано. Красиво — и ровно настолько же пусто.

Сон не шёл. Я ворочалась, сбивала одеяло, пинала подушку. Встала, налила ещё воды, села в темноте на подоконник. За окном спал город, редкие машины проезжали по мокрому асфальту, фары расплывались жёлтыми пятнами. Сегодня я сама не договорила. Не спросила, что он имел в виду под «новыми возможностями». Не спросила, зачем ему на самом деле наша встреча. Не спросила, почему он выбрал именно сейчас.

Трусость бывает разной. Иногда она молчит, а иногда — говорит правильные слова в нужный момент. Я отставила стакан, забралась обратно в кровать. Где-то в сумочке, в кармашке на молнии, остался лежать телефон с непрочитанным его «спокойной ночи». Я не ответила. Уснула только под утро.

Я и правда веду себя в последнее время очень по-идиотски. Как можно перед работой проспать всего пару часов. Опоздать на встречу со звездой нельзя. Опоздать в принципе нельзя. Я металась по квартире, на ходу закручивая волосы в утюжок, хватая то один пиджак, то другой, пока не остановилась перед шкафом и не сказала себе: стоп.

Я надела тёмно-синий брючный костюм —тот, в котором серьёзные люди подписывают серьёзные бумаги. Узкая талия, идеальная посадка, никакой небрежности. Волосы уложила гладко. В зеркало смотрела не Кира, которую вчера везли в тёмном седане в ресторан с призраком из прошлого. Начальник нового проекта «Вершины». Та, с кем считаются.

В офис я влетела в 10:40, на ходу здороваясь с охранником, махнув пропуском перед турникетом. Лифт полз медленно, я смотрела на цифры и прокручивала в голове пункты договора. Гонорар. Эксклюзивность. Сроки.

Двери открылись. Я вышла, свернула в коридор — и остановилась. Он уже сидел там у окна. За столом, которого вчера ещё не было. Ноутбук, знакомый термостакан с чёрным кофе, стопка бумаг слева. Фикус Лены переехал на подоконник и сиротливо грелся на жидком ноябрьском солнце.

Антон смотрел в монитор, что-то печатал. Не обернулся на звук моих каблуков. Я прошла мимо. Краем глаза заметила, как подняла бровь Лена, глядя то на Антона, то на меня, и тут же уткнулась в монитор. Саша что-то печатала, не поднимая головы. Я зашла в свой кабинет, закрыла дверь, прислонилась спиной к прохладному дереву.

«Не обратил внимания. Просто работает. Ты же этого и хотела».

Села за стол, открыла ноутбук. Договор. Пункт три, подпункт два. Пункт семь. Всё на месте. Ближе к трём часам постучал и вошёл Макс.

— Как настрой? — спросил, присаживаясь на край стола. — Готова?

— Всегда готова.

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Кир, — сказал осторожно, — ты выглядишь... ну, собранно. Профессионально. Но взгляд какой-то...

— Какой?

— Замученный, — закончил он. — Ты как будто не высыпаешься.

Я хотела огрызнуться, но передумала. Макс не заслуживал.

— Всё нормально. Просто много всего. – я перевела взгляд на пачку бумаг у себя в руках. Он кивнул, не настаивая.

В три часа секретарь ввела в переговорную звезду и её менеджера. Час переговоров. Улыбки, комплименты, лёгкий торг по формулировкам. Звезда оказалась приятной, без звёздной болезни, менеджер — жёстким, но справедливым. К четырём договор был подписан. Я сидела в опустевшей переговорной, смотрела на синюю папку с контрактом. Мы сделали это. Ещё один шаг. Ещё одна победа. Макс заглянул в дверь.

— Справилась, — сказал он с уважением. — Я смотрел сквозь стекло, как ты с менеджером разговаривала. Он даже козыри свои не успел разыграть.

— Он привык, что все соглашаются. А мы не все.

— Слушай... У меня идея. Ты давно у Лили была? - Макс помялся в дверях.

Я подняла взгляд.

— Она вчера писала, — продолжил он. — Говорит, завезли новый десерт, какой-то невероятный. Маскарпоне, карамель, фисташки. Я обещал зайти, но всё некогда. Давай сходим? Ненадолго. Просто выдохнуть.

Я смотрела на него. Макс — с этой его осторожной заботой, замаскированной под деловое предложение.

— Ты меня угощаешь? — спросила я.

— Само собой, — улыбнулся он. — Я же мужчина.

— Сексист.

— Реалист.

— Идём. — я захлопнула папки и встала.

Мы вышли из переговорной вместе. Опенспейс гудел. Саша спорила с кем-то по телефону, Лена гремела чашками у кулера, верстальщик что-то чертил в макете, прикусив язык от усердия. Антон всё так же сидел у окна.

Я не смотрела в его сторону. Честно, не смотрела. Я смотрела прямо перед собой, на дверь, на выход. Но когда Макс, пропуская меня вперёд, чуть коснулся моей спины — жест вежливости, ничего больше, — я вдруг сделала то, чего не планировала. Я взяла его под руку. Сама не знаю, зачем. Просто хотела почувствовать, что есть кто-то рядом, кому не нужно ничего объяснять. Макс удивлённо покосился, но не отдёрнул руку. Наоборот — чуть прижал мой локоть к себе.

— Лили выдаст нам лучший столик. Идём, милая, — сказал он буднично.

— Она всегда выдаёт тебе лучший столик, — ответила я.

— Потому что я её любимый клиент.

— Потому что ты ей должен за прошлый месяц и она приумножает твой должок.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Мы дошли до двери. Я уже почти выдохнула, почти расслабилась — и тут, на пороге, что-то заставило меня обернуться. Антон смотрел на нас. На Макса, стоящего слишком близко, мою руку, лежащую на сгибе его локтя, на меня — в этом идеальном костюме, с этой идеальной укладкой. Что-то в его взгляде дрогнуло, сдвинулось — как будто внутри щёлкнул замок, который он сам не заметил, как захлопнул. Он смотрел озадаченно. И гневно. И я не могла отвести взгляд.

— Кир? Ты идёшь? - Макс потянул меня за руку.

— Да, — сказала я и отвернулась. — Идём.

Мы вышли в коридор. Дверь мягко закрылась за нами.

— Ты чего? — спросил Макс. — Зависла.

— Ничего. Показалось.

Он не стал уточнять. Лифт приехал. Двери закрылись, отрезая опенспейс, Антона, его взгляд.

— Так о чём мы? — спросила я.

— О том, что Лили должна мне по гроб жизни, — ответил Макс. — Я ей трижды помогал с переездом.

— Ты просто любишь халявный кофе.

— Я люблю справедливость.

Старый добрый подвальчик, где пахло свежемолотыми зёрнами и выпечкой, где Лили сама встречала гостей и помнила, кому какой сироп добавлять. Мы спустились по узкой лестнице, и тёплый свет ударил в лицо.

— О, явился! — Лили выглянула из-за стойки. — Должник мой. Кирочка, давно не заходила. Макс, ты мне за октябрь так и не перевёл.

— Я тебе лично помогал стеллажи собирать в новой точке, — возмутился Макс.

— Стеллажи — это не деньги.

— Стеллажи — это бесценно.

Она закатила глаза, но уже улыбалась.

— Садитесь, сейчас принесу. Новый десерт пробовать будете?

— Затем и пришли, — сказал Макс, усаживаясь за столик у стены. — И кофе. Кира, тебе американо?

— Эспрессо, — поправила я. — Двойной.

Он поднял бровь, но ничего не сказал. Лили принесла десерт — высокий стакан с чем-то слоёным, воздушным, посыпанным фисташковой крошкой. Макс смотрел на него с благоговением.

— Это не десерт, — сказал он. — Это произведение искусства.

— Ешь уже, — фыркнула Лили и упорхнула за стойку.

Я взяла ложку. Вкус десерта был тёплым, сливочным, с лёгкой горчинкой карамели.

— Вкусно, — признала я.

— Я же говорил.

Мы сидели в приятном свете ламп цокольного этажа, пили кофе, ели десерт, болтали о пустяках. Макс рассказывал, как Лили трижды заказывала вывеску и трижды её переделывали, как он чуть не разругался с подрядчиком, как в итоге всё сделали за два дня до открытия второй точки кафе моей подруги. Я слушала, кивала, иногда вставляла вопросы. А перед глазами всё стоял его взгляд. Озадаченный и, возможно, немного гневный?

— ...Кир?

— Что? — его голос вывел меня из ступора.

— Я говорю, может, тебе стоит взять выходной? — Макс смотрел внимательно. — Ты правда выглядишь вымотанной.

— Я в порядке, — ответила я. — Просто много работы в последнее время из-за нового проекта.

Он не поверил, но промолчал. Мы допили кофе. Макс расплатился, несмотря на Лилины причитания о долгах, и мы вышли наверх, в холодное лобби.

В офис я вернулась через пятнадцать минут. Сама не знаю, зачем. Формально мой рабочий день закончился, контракт подписан, можно было ехать домой, заваривать чай, лежать в тишине. Но ноги сами принесли меня обратно в лифт, на этаж, в открытый космос нашего опенспейс. Лена что-то доказывала верстальщику, Саша до сих пор говорила по телефону,

прикрыв трубку ладонью. У кофемашины толпились трое с чашками. Антон всё также почти незаметно сидел у окна.

Я прошла к себе, стараясь не смотреть в его сторону. Открыла ноутбук, уставилась в экран. В почте — два десятка писем. Я начала просматривать, отвечать, пересылать. Пальцы делали своё дело, а мысли были где-то в переговорной, где мы подписывали контракт, и в цоколе «ЭКспрессо», где Макс угощал меня десертом, и снова здесь, у окна, где сидел человек, который сегодня даже не сказал мне «привет».

Стук в дверь вытащил меня из облаков. Я подняла голову. Антон стоял на пороге. В руке — забытая мной в переговорной ручка. Обычная чёрная ручка, с логотипом «Вершины».

— Твоя, — сказал он. — Укатилась под стул.

— Спасибо, — я протянула руку.

Он подошёл к столу, положил ручку на край, рядом с клавиатурой. И вдруг, вместо того чтобы развернуться и уйти, добавил:

— Держи, милая.

— Что? — я замерла, думая, что ослышалась.

Он смотрел на меня с лёгкой, почти незаметной иронией в углах губ. Взгляд его показался мне спокойным, даже немного насмешливым.

— Держи, милая, — повторил он. — Разве у вас так не принято?

— У нас?

— У вас. У тебя и Макса. Он сегодня сказал это так естественно, я подумал, это у вас в порядке вещей.

Я смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или нет. Или просто проверяет. Или — нет, этого не может быть, это я себе придумываю.

— Ты про что? — спросила я осторожно.

— Про обращение. «Милая», — он произнёс это слово с лёгкой, едва уловимой насмешкой, будто пробовал на вкус. — Я услышал, когда вы уходили. Он тебя так назвал.

— Он назвал меня Кир.

— До этого, — Антон пожал плечами. — Когда брал за руку. Сказал: «Идём, милая».

Я в недоумении молчала.

— Я подумал, это рабочий этикет, — добавил он всё с той же спокойной иронией. — На новом этаже новые правила. Решил перенять.

— Он не называл меня милой, — сказала я. — Ты ослышался.

— Ослышался, — легко согласился Антон. — Бывает.

Он развернулся и вышел. Я ещё долго смотрела на дверь, потом перевела взгляд на ручку, которую он принёс. Чёрную, с логотипом, совершенно обычную. Сердце колотилось где-то в горле. Я подошла к двери своего кабинета, чуть приоткрыла, выглянула в опенспейс.

Антон сидел за своим столом у окна, спиной ко мне. Что-то печатал, так спокойно… Как будто ничего не произошло. Только плечи у него были чуть напряжены. Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной.

«Держи, милая».

Я села обратно в кресло. Посмотрела на монитор, где всё ещё мигал курсор в пустой строке письма. Всё как-то слишком сразу. Игорь, который вспомнил обо мне через шесть лет. Антон, который вдруг решил перенимать «рабочий этикет». Макс, который просто хотел угостить меня десертом, а теперь, сам того не зная, стал частью какой-то странной, нелепой игры. Я смотрела на экран и не видела букв. В дверь снова постучали.

— Да, — сказала я, не оборачиваясь.

Макс заглянул в кабинет.

— Кир, я уезжаю. – он чуть помедлил, осматривая меня. - Ты как? Нормально?

Я обернулась. Он стоял в дверях с ключами в руке, уже в пальто, собранный, готовый к ехать домой.

— Да, — ответила я. — Нормально.

Он задержался на секунду, будто хотел что-то добавить. Потом кивнул и ушёл. Через минуту я увидела в окно, как он пересекает парковку, садится в машину и уезжает. Антон всё ещё сидел за своим столом. Я закрыла ноутбук.

— Спокойной ночи, — сказала я в пустоту кабинета.

Встала, взяла сумку, вышла. Проходя мимо его стола, я чуть замедлила шаг. Он не поднял головы. Пальцы бегали по клавиатуре, на экране мелькали строки кода или вёрстки, я не разобрала.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Он поднял взгляд.

— Спокойной, — ответил он. И после крошечной паузы, почти незаметной, добавил: — Кира.

Я кивнула и пошла к лифту. В кабине, глядя на своё отражение в зеркальной панели, я поймала себя на том, что улыбаюсь. Глупо. Нелепо. Совершенно неуместно. Лифт мягко тренькнул, двери открылись, выпуская меня в холл первого этажа. Ноябрьский ветер ударил в лицо. Я застегнула пальто, пошла к машине. В ушах всё ещё звучало: «Держи, милая».

Следующие пару недель прошли в каком-то бешеном ритме. Мы готовили новый проект по дневникам Марковой — тяжёлый, масштабный, с кучей согласований и бесконечными правками. Я взяла Сашу на обучение, чтобы в случае моего отсутствия было кому передать дела. Она всё схватывала на лету — спасибо, что и до этого постоянно помогала мне с журналом и всеми статьями. Я знала, на кого положиться.

А сама всё основное свободное время проводила в своём кабинете вместе с Антоном. Мы сидели над документами часами, разбирали дневники по строчкам, спорили о формулировках, переписывали концепцию. Работа кипела, дедлайны поджимали, и на личные разговоры просто не оставалось времени. Обсудить его странное отношение ко мне, ту сцену с ручкой — всё это как-то само собой отложилось. Две недели мы общались строго по делу, и только иногда, в паузах между правками, обменивались короткими взглядами.

Поначалу было неловко. Каждое утро, когда он входил с двумя чашками кофе, я чувствовала, как внутри всё сжимается. Каждый раз, когда наши руки случайно соприкасались над бумагами, я замирала. Но мы оба делали вид, что ничего не происходит, и постепенно это вошло в привычку.

Работа заглотила нас полностью. Дневники Марковой оказались такими объёмными, такими живыми, что мы просто перестали думать о чём-то, кроме сроков и правок. К концу второй недели я поймала себя на мысли, что уже не представляю своё утро без его «доброе утро» и чашки кофе на краю стола. И что это пугает меня гораздо сильнее, чем все его взгляды.

Также за эти пару недель мне не переставал писать Игорь. Я думала, после той встречи в ресторане он исчезнет так же внезапно, как появился. Но нет — сообщения приходили каждый день. «Доброе утро, как спалось?» «Как проходит день? Успеваешь?» «Ты сегодня вообще ела? Может, заскочить с ужином?». Я отвечала коротко, извинялась за занятость, обещала написать, когда выдохну. И правда собиралась — но вечером, после четырнадцати часов с дневниками Марковой, сил хватало только доползти до кровати

Он спрашивал о проекте, о моём самочувствии, о том, когда я наконец смогу вырваться. Приглашал на ужин, на обед, даже просто на кофе — мол, это же рядом с работой, всего полчаса. И каждый раз, читая эти сообщения, я ловила себя на странном чувстве. С одной стороны — раздражение. Шесть лет его не было, а теперь он решил, что имеет право на моё время и внимание. С другой — любопытство. Вдруг он правда изменился? Вдруг тот вечер в ресторане

был не просто попыткой закрыть старый гештальт, а чем-то большим? Вдруг я зря списала его со счетов?

Я помнила его образ шестилетней давности — уверенного, слегка надменного, всегда чуть отстранённого. Того, кто не дал мне договорить. А в ресторане сидел другой человек. Внимательный, открытый, говорящий правильные слова. Или это просто маска? Я не знала. И это «не знала» цепляло сильнее, чем хотелось бы признаться. Я читала его сообщения, иногда отвечала парой фраз, откладывала телефон и возвращалась к дневникам. А в голове крутилось: «А вдруг?».

Но работа затягивала. Мы с Антоном сидели в моём кабинете до позднего вечера, разбирали строчки, спорили, правили, снова спорили. Единственный кофе, который я пила за эти две недели, был тот, что он приносил по утрам. И когда я ловила его взгляд поверх документов, вопрос «а вдруг?» про Игоря куда-то улетучивался. Хотя бы до следующего сообщения.

Очередной рабочий день начался. На улице уже вовсю бушевали снегопады, а я, не успевшая переобуться на зимнюю резину, мчалась на работу на такси, проклиная свою вечную забывчивость. Антон уже как обычно ждал меня в кабинете, потягивая горячий эспрессо из своего стаканчика — он всегда приходил раньше, я уже привыкла к этому ритуалу. Я бросила сумку на кресло, сняла куртку и начала разматывать длинный шарф, как вдруг мой взгляд упал на только что приехавший лифт. Из него, совершенно как к себе домой, вышел улыбчивый Игорь. В руках он держал пару кружек кофе и аккуратную коробочку с чем-то сладким — видимо, из той кондитерской на углу, про которую он постоянно мне писал.

— Кира, доброе утро, — он развел руки в стороны, будто собирался кого-то обнимать. Эта его театральная радость в десять утра выглядела одновременно нелепо и подкупающе. — Я решил так: если у тебя нет времени выбраться со мной за пределы офиса, то я принесу завтрак тебе в кабинет. Не прогонишь?

Он перевел взгляд на Антона, и в его глазах мелькнуло что-то быстрое, оценивающее.

— Здравствуй, — кивнул он, после чего снова посмотрел на меня, но фразу продолжил уже явно для него. — Ты совсем замучил мою Кирочку, да? Сам трудоголик и других заставляешь пахать. Смотри, доведешь девушку — я заберу.

Улыбка у него была широкая, дружелюбная, но что-то в этих словах кольнуло. «Мою Кирочку». Слишком собственнически. Я перевела взгляд на Антона. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, только пальцы, сжимающие стаканчик, чуть побелели.

— Ты вечно приходишь меня раздражать и мешать работе. Я же сказал тебе прекратить тут появляться. — Антон встал со стула и присел на край моего стола, чуть отгораживая меня от Игоря.

— На этот раз я пришёл не к тебе, — Игорь перевёл взгляд на меня, и в его глазах мелькнула лёгкая усмешка. — Кира, пойдём немного перекусим. Пять минут. Я не займу больше времени.

Я стянула наконец шарф до конца, повесила его на вешалку и бросила короткий взгляд на Антона. Он сидел на краю стола, с непроницаемым лицом, но пальцы чуть сжимали край столешницы.

— Хорошо, — сказала я. — У меня есть ещё пара минут до начала рабочего дня.

Я прошла мимо стола и вышла из кабинета, не обернувшись. Слышала только, как Игорь задержался там на несколько секунд — видимо, обменялся с Антоном ещё парой взглядов — и вышел следом. Он улыбался довольно, как кот, который утащил сметану.

— Ну и охрана у тебя, — сказал он. — Прямо Цербер.

Я посмотрела на него. В его глазах не было той навязчивости, что в сообщениях. Только лёгкое, мальчишеское ожидание.

Он и правда не занял много времени. Мы спокойно посидели в кафетерии, я попробовала морковный торт, который Игорь принёс специально для меня — и впервые за последние недели

ощутила хоть немного спокойствия в этом бесконечном урагане работы. Он смотрел на меня всё это время. Изучающе, внимательно, будто я была объектом какого-то его эксперимента — но при этом во взгляде не было холодности. Только искреннее любопытство и дружелюбие. И это было так непривычно, так легко рядом с ним, что я незаметно для себя расслабилась.

— Ты улыбаешься, — заметил он где-то на пятой минуте.

— Я ем твой торт, — ответила я. — Он вкусный.

— Значит, буду знать, чем тебя подкупать.

Я фыркнула, но улыбнулась ещё шире.

Когда я вернулась, Антон сидел за своим столом с непроницаемым лицом и даже не поднял головы. Я прошла в кабинет, села за ноутбук, и только через минуту заметила на краю стола свежий стаканчик с латте. Горячий. Только что принесённый. Я посмотрела в сторону опенспейс. Антон печатал, не отрываясь от монитора. Я сделала глоток и улыбнулась уже в чашку. Постояла пару секунд, собираясь с мыслями, потом выглянула в опенспейс. Антон сидел за своим столом, уткнувшись в монитор, и делалвид, что целиком поглощён работой. Получалось у него плохо — слишком напряжённые плечи, слишком ровная спина.

— Если ты продолжишь там сидеть, работа не пойдёт, — сказала я, прижимаясь плечом к дверному косяку.

— Ты про что? – он поднял голову.

— Про четвёртый раздел. — Я кивнула в сторону своего кабинета. — Иди сюда, пока я не передумала и не позвала Сашу.

— Иду. - он чуть усмехнулся, но закрыл ноутбук.

Антон поднялся, захватил свои папки и через несколько секунд уже входил в мой кабинет. Я отошла от косяка, пропуская его, и села на своё место.

— Кофе был вкусный, — сказала я, не глядя на него. — Спасибо.

— Не за что, — ответил он, устраиваясь напротив. — Как торт?

— Морковный, — сказала я. — Оказалось, я всё ещё их люблю.

— Фисташковые кексы, что я приносил в среду, теперь под вопросом?

— Фисташковые под вопросом, — согласилась я. — Нужно больше исследований.

— Устраивай. У нас тут целый проект впереди.

Я усмехнулась и развернула к нему четвёртый раздел.

Мы проработали до обеда почти без перерыва. Дневники Марковой на этот раз поддавались легче — может, потому что я выпила кофе, съела торт и немного выдохнула. А может, потому что Антон перестал делать вид, что ничего не происходит, и просто работал рядом. Ближе к двум он откинулся на спинку стула и посмотрел на часы.

— Есть хочется, — сказал он буднично. — Заказывать доставку или пойдём куда-то?

Я задумалась. Выходить из офиса не хотелось — там снегопад, ветер, суета. Но и сидеть в четырёх стенах...

— Давай вниз, в столовую, — предложила я. — Быстро и без снега.

Мы спустились вниз. В столовой было людно, но мы нашли столик у окна. Антон взял себе суп и салат, я — пасту и ещё один кофе, хотя понимала, что уже перебираю норму.

— Ты сегодня много пьёшь, — заметил он, глядя на мою чашку.

— Это ты меня разбаловал. – я прочитала в его взгляде недоумение. — Утренний латте, потом тот, что после Игоря, теперь вот этот. — Я пересчитала пальцами. — Третий за полдня.

— А без меня был бы один?

— Без тебя я бы вообще забыла про кофе до обеда.

— Значит, я полезен. - он чуть наклонил голову, разглядывая меня.

— Не только для этого, — ответила я и сразу пожалела. Слишком прямо, но он только улыбнулся в свою тарелку.

Мы ели молча, но молчание было лёгким. Без неловкости, без попыток заполнить паузу пустыми словами. Просто сидели рядом, смотрели на снег за окном и думали каждый о своём.

После обеда мы снова ушли в работу. Дневники Марковой ждать не умели. Но в какой-то момент, когда Антон склонился над моими правками и наши плечи почти соприкасались, я поймала себя на мысли, что это — лучшее, что случалось со мной за последние недели. Работа рядом с ним. Кофе по утрам. И это тихое, спокойное понимание, что никуда не надо спешить. К вечеру, когда мы закрыли очередной блок, я потянулась и посмотрела в окно. Снег всё падал.

— Завтра продолжим? — спросил Антон, собирая бумаги.

— Завтра продолжим.

Он задержался в дверях.

— Кофе утром? – я одобряюще кивнула.

Я осталась одна. В кабинете пахло кофе и его одеколоном — лёгким, едва уловимым. Я закрыла глаза и позволила себе просто посидеть так пару минут. Телефон пиликнул. Игорь.

«Спасибо за утро. Торт был вкуснее с тобой.»

Я посмотрела на экран и убрала телефон в сумку, не ответив. Не потому, что злилась, а потому, что не знала, что ответить. И потому, что думала совсем о другом человеке.

— Может, дать ему шанс? Если пока что он приносит мне только лёгкость в общении…

— Дать шанс кому? — в дверях моего кабинета неожиданно материализовалась Саша. Она всегда умела появляться в самый нужный момент, будто обладала шестым чувством на чужие секреты.

— Неважно, — я виновато улыбнулась, пряча телефон в карман. — Михеева, а ты умеешь быть вовремя. Обычно ты пытаешься сбежать пораньше, а тут вдруг заглянула. Что-то случилось? — я нервно перекинула ногу на ногу, чувствуя, как она сверлит меня своим фирменным взглядом.

— Нет, просто решила проверить, как ты, — Саша окинула меня оценивающе, и в её взгляде читалось недоверие пополам с любопытством. — Седов заходил в обед, спрашивал про тебя. Я ему сказала, что я не твой личный секретарь, но он, как всегда, пропустил мимо ушей. Перезвони ему, как будет свободная минута.

Она кивнула на прощание, вышла в коридор и направилась к лифту, оставив мою дверь приоткрытой. В её удаляющейся спине читалось что-то невысказанное, но я не стала её останавливать.

— Видимо, ты сегодня не в духе, — пробормотала я в пустоту, пожимая плечами, и потянулась за курткой, висящей на спинке стула.

Мы попрощались в холле первого этажа. Она уехала на такси, а я вышла на парковку, вдыхая прохладный вечерний воздух. Достав телефон, я уже собиралась набрать Николая Петровича, но замерла, бросив взгляд на запястье. Часы показывали без пятнадцати восемь. Не слишком ли поздно?

— Ну что ты сверлишь взглядом этот бедный телефон? — раздался голос у меня за спиной. Я вздрогнула и обернулась. За моим плечом, с лёгкой, чуть насмешливой улыбкой, стоял Игорь. — Я ждал тебя, — добавил он, заметив моё удивление. — Не удивляйся так. Подбросить?

Глава 5.

— Прости, но мы уже договорились, что я сегодня её подвезу. Мне всё равно по пути.

Антон неожиданно оказался рядом, словно всё это время стоял где-то неподалёку и просто ждал подходящего момента. Он положил руку мне на плечо — спокойно, почти непринуждённо, будто в этом не было ничего необычного. Я едва заметно напряглась и на секунду застыла. Что это вообще сейчас было? Мы ведь ничего подобного не обсуждали.

Игорь перевёл взгляд с Антона на его руку, задержался на ней на пару секунд, а потом посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло явное недоумение, и я почувствовала, как внутри становится ещё более неловко. Я лишь улыбнулась ему, пытаясь сделать вид, что всё совершенно нормально.

— Ну… раз вы уже договорились, — наконец произнёс Игорь, слегка усмехнувшись.

Я снова посмотрела на Антона. Он выглядел совершенно спокойно, будто только что сказал что-то абсолютно будничное, и это почему-то раздражало меня ещё сильнее.

— Да, конечно, — сказала я, наконец обретя голос. — Мы договорились. Я напишу тебе, когда буду дома, хорошо?

Игорь слегка кивнул, ещё раз бросил на нас короткий взгляд и, развернувшись, направился вдоль парковки к своему седану. Я проводила его взглядом и дождалась, пока он скроется за поворотом, только после этого повернулась к Антону. Молча уставилась на него, демонстративно выгнув бровь и всем своим видом требуя объяснений. Антон, кажется, и не собирался торопиться с ответом. Он лишь спокойно убрал руку с моего плеча и направился к своей машине, будто ничего необычного только что не произошло. Дойдя до автомобиля, он обошёл его, открыл передо мной пассажирскую дверь и, придерживая её рукой, коротким жестом предложил мне сесть. Я ещё несколько секунд стояла на месте, не сводя с него взгляда.

— Серьёзно? — всё-таки не выдержала я.

Антон едва заметно усмехнулся.

— Садись, Кира.

В машине было тепло, и мои щёки, покрасневшие от пронизывающего ветра, почти сразу начали отогреваться. Я устроилась на пассажирском сиденье и, бросив на Антона быстрый взгляд, заметила на его лице едва заметную ухмылку. Он сел за руль, не спеша забросил рабочую сумку на заднее сиденье, пристегнулся и выехал с парковки.

— Ты можешь мне всё-таки объяснить, что это сейчас было? — не выдержала я, повернувшись к нему.

Ухмылка на его лице стала ещё чуть заметнее.

— Мне показалось, что на твоём лице было выражение полного ужаса и дискомфорта. Плюс — следы чудовищной усталости после такого длинного и тяжёлого дня. А я знаю Игоря. Он слишком энергичный парень, чтобы ещё и вечером отнимать у тебя последние силы.

— Всё же мне кажется, что не в твоей компетенции решать, с кем и как мне проводить время после работы, — заметила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты мой руководитель, а не личный менеджер по общению.

Я повернулась к нему, ожидая хотя бы намёка на смущение или признания в том, что он действительно вмешался. Но Антон продолжал смотреть на дорогу с таким невозмутимым видом, словно разговор шёл исключительно о рабочих вопросах. На его губах снова появилась едва заметная усмешка.

— Чисто человеческое сопереживание, Кира, — спокойно ответил он. — Никакого вмешательства в твою личную жизнь.

— Очень удобно, — фыркнула я. — Сначала ты решаешь за меня, с кем мне ехать домой, а потом называешь это сопереживанием.

— Я не решал за тебя. Просто предложил более рациональный вариант.

— Поставив меня перед фактом?

Антон на секунду покосился в мою сторону, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на веселье.

— Ты могла отказаться.

Я замолчала, потому что формально он был прав. Могла. Просто почему-то в тот момент не отказалась.

— Вот именно, — добавил он, возвращая взгляд на дорогу. — Значит, всё прошло по взаимному согласию.

Я закатила глаза и отвернулась к окну, стараясь скрыть улыбку.

— Иногда ты невыносим.

— Мне говорили.

— И тебя это совершенно не беспокоит?

— Пока никто не предложил более убедительных аргументов, — невозмутимо ответил он.

Я всё-таки рассмеялась, покачав головой. Похоже, спорить с ним было бесполезно.

Время пролетело незаметно, и я даже не успела понять, как мы уже свернули на мою улицу. За окнами мелькали знакомые дома, редкие фонари отражались на мокром асфальте, а вскоре показался и мой подъезд. Я посмотрела на окна своей квартиры. В них не горел свет, и от этой темноты внутри почему-то стало немного уютнее — день наконец подходил к концу, и мне не нужно было ни о чём думать хотя бы ближайшие несколько часов. Машина плавно остановилась у дома. Я повернулась к Антону и несколько секунд просто смотрела на него, пытаясь подобрать подходящие слова.

— Знаешь, — начала я, чуть улыбнувшись, — у меня вдруг появилось желание пригласить тебя на чашечку чая.

Антон вопросительно приподнял бровь.

— За то, что сегодня спас меня от одной неловкости и тут же втянул в другую, — пояснила я, усмехнувшись.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовалось, и уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Звучит как довольно сомнительное приглашение.

— А я и не обещала, что чай будет без последствий.

Я сама не ожидала от себя этой фразы. И, судя по тому, как изменился его взгляд, Антон тоже.

— Какие же такие страшные последствия меня ждут, Соколова? — Антон слегка повернул голову в мою сторону, и в его взгляде мелькнуло знакомое веселье. — Стоит ли соглашаться?

Я только спустя секунду поняла, как прозвучала моя предыдущая фраза. Щёки предательски потеплели, и я поспешила отвести взгляд к окну, делая вид, что рассматриваю свой подъезд. Ну, конечно. Сама сказала — сама и загнала себя в угол. Как же нелепо это прозвучало.

— Возможно, чай тебе придётся пить одному, — быстро начала я, пытаясь исправить ситуацию. — А заодно смотреть на мои попытки приготовить нормальный ужин. Потому что свидание с курицей я откладываю уже второй день подряд.

Антон несколько секунд молчал, а потом тихо рассмеялся.

— Свидание с курицей?

— Не придирайся к словам, — пробормотала я, наконец посмотрев на него. — У меня сегодня тяжёлый день.

— А я уже начал думать, что приглашение действительно было с последствиями.

— Можешь не переживать. Максимум, что тебе грозит — слегка пересушенная курица и очень сомнительный чай.

— Тогда, пожалуй, рискну.

Он произнёс это так спокойно, будто речь шла о совершенно обычном ужине. А вот у меня почему-то от этих двух слов внутри стало гораздо теплее, чем от печки, работающей на полную мощность.

— Я вообще-то умею готовить шикарную пасту, — сказал Антон, чуть помедлив, и посмотрел на меня с лёгкой улыбкой. — Могу научить, если позволишь воспользоваться твоей кухней.

Я удивлённо подняла брови.

— Ты умеешь готовить?

— Не выгляжу как человек, способный выжить без доставки?

— Скорее как человек, у которого дома есть слуга, способный приготовить всё за него.

Антон тихо усмехнулся.

— Обижаешь. Я вполне самостоятельный.

— Тогда не знаю, что меня больше пугает: перспектива доверить тебе мою кухню или перспектива учиться готовить у тебя.

— Можешь воспринимать это как производственную необходимость. Ты ведь сама пригласила меня на чай.

Я покачала головой, не удержавшись от улыбки.

— Хорошо. Но если ты испортишь мою кухню, отвечать будешь лично передо мной.

— Договорились, Соколова.

Мы поднялись на мой этаж в каком-то странном, почти неловком молчании. После разговора в машине оно ощущалось особенно сильно. Я несколько раз ловила себя на мысли, что хочу что-нибудь сказать, но каждый раз не находила ничего достаточно нормального, чтобы нарушить тишину. Дойдя до двери, я достала ключи и несколько секунд возилась с замком. Руки почему-то казались непривычно непослушными, и я мысленно выругалась на себя за то, что вообще обращаю на это внимание.

Наконец замок щёлкнул. Я открыла дверь и пропустила Антона вперёд. Он вошёл, а я следом включила свет в прихожей. Тёплое освещение сразу сделало квартиру немного уютнее, чем она выглядела в полутьме подъезда. Антон снял пальто и, прежде чем я успела что-то сказать, помог мне освободиться от моего. Я на секунду замерла, когда его пальцы коснулись воротника, но тут же сделала вид, что ничего не заметила.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Повесила своё пальто на вешалку, рядом устроила его, а затем указала рукой в сторону гостиной.

— Проходи. Я только предупрежу: ничего особо интересного там нет.

— Я как-нибудь переживу.

Он прошёл дальше, а я закрыла дверь и на секунду задержалась в прихожей, глядя ему вслед. Было странно видеть Антона здесь, в моём доме. Не в кабинете напротив, не за длинным столом на совещании и даже не в машине, а здесь, среди моих вещей, в пространстве, куда обычно попадали только близкие люди.

Я догнала его уже в гостиной. Антон медленно огляделся, задержав взгляд на книжных полках, пуфике у окна и нескольких фотографиях на комоде. Потом повернулся ко мне.

— У тебя довольно уютно. — он оглянулся и посмотрел мне в глаза. — Прямо так, как я себе представлял.

Он замолчал, будто только после собственных слов понял, что именно сказал. На несколько секунд между нами повисла тишина. Антон слегка коснулся рукой подбородка,

задумчиво провёл пальцами по щеке и первым отвёл взгляд, словно внезапно нашёл что-то очень интересное в стене напротив.

— Я имел в виду, что… — он на секунду замялся, подбирая слова. — Ты производишь впечатление человека, которому нравится, когда вокруг всё просто и ничего не отвлекает.

— А ты, оказывается, много обо мне думаешь.

Антон наконец посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность, которую он тут же попытался спрятать за привычной спокойной усмешкой.

— Мы работаем вместе, Кира. Это не преступление — замечать человека, с которым проводишь большую часть дня.

— Конечно, — протянула я, стараясь не улыбаться слишком заметно. — Просто уточняю. Пойду поставлю чайник.

Я развернулась и направилась на кухню, надеясь, что за спиной Антон не заметит моей улыбки. Я поставила чайник и открыла шкафчик, доставая две чашки. Услышав шаги за спиной я обернулась.

— Что мне сделать? — Антон стоял, уперев руки в бока, как будто готовился к бою.

— Ну, я думаю, что для начала тебе нужно сесть за стол. Ты же гость.

— Я же хотел приготовить пасту.

— Давай сначала чай.

— Хорошо, пока не буду тебе мешать. — он встал у дверного проёма и прислонился плечом к косяку. Его любимая поза. Кажется, я уже начинала узнавать его привычки, хотя сама ещё не понимала, когда успела обратить на них внимание. От его взгляда всё вдруг начало валиться из рук. Я никак не могла сосредоточиться на самых обычных действиях. Пальцы казались непослушными, а от осознания того, что Антон стоит совсем рядом и наблюдает за мной, волнение только усиливалось. Я поставила чайник на подставку, стараясь не торопиться.

— Я тоже слегка волнуюсь.

Его слова заставили меня на секунду замереть. Я даже перестала возиться с чашками, но поворачиваться всё-таки не стала.

— Ты? — переспросила я, надеясь, что голос прозвучал достаточно спокойно.

— Представь себе.

Я услышала тихий смешок за спиной.

— Просто непривычно приходить в гости к своим подчинённым, — продолжил он уже серьёзнее. — Обычно я вижу их только в офисе. За рабочим столом, на совещаниях, с отчётами в руках. А тут вдруг оказываюсь у тебя дома и смотрю, как ты пытаешься приготовить мне чай.

Я всё-таки улыбнулась и осторожно взяла чашки.

— Очень странный жизненный опыт.

— Немного.

Я наконец повернулась к нему. Антон всё ещё стоял у дверного косяка, но теперь уже не выглядел таким уверенным, как несколько минут назад.

— Может, нам действительно стоит попробовать общаться немного проще? — произнёс он после короткой паузы. — Не знаю… хотя бы иногда забывать, что ты мой подчинённый, а я твой начальник.

— Похоже на какое-то слащавое признание из мелодрамы, — пробормотала я и нервно усмехнулась.

Сама услышала, как это прозвучало, и тут же пожалела, что сказала вслух. Слишком уж странно было обсуждать с Антоном подобные вещи, сидя у себя дома поздним вечером. Он посмотрел на меня несколько секунд, а потом тихо рассмеялся.

— Я всего лишь предложил попробовать стать друзьями.

— Я знаю. Это я так шучу… с друзьями, — пробормотала я, будто сама хотела лишний раз подчеркнуть последнюю фразу.

Чтобы не продолжать этот разговор, я отвернулась и подошла к столу. Поставила на него две кружки с горячим чаем, осторожно придерживая их за ручки.

— Осторожно, горячий.

Антон оттолкнулся плечом от дверного косяка и подошёл ближе.

— Спасибо.

Он сел за стол, обхватив кружку ладонями, а я устроилась напротив. На несколько секунд повисла тишина. Я сделала глоток, стараясь не смотреть на него, но всё равно поймала его взгляд. И почему-то именно в этот момент мне стало ясно: после сегодняшнего вечера наши отношения уже вряд ли останутся такими же, как раньше.

Телефон в сумке в прихожей вдруг издал противное пиликанье. Я вздрогнула и на секунду замерла, пытаясь вспомнить, что именно могла забыть. Антон перевёл взгляд в сторону коридора.

— По-моему, это Игорь, — спокойно заметил он.

Я посмотрела на него, а потом на сумку, которая так и осталась лежать на тумбе у двери. Я совсем забыла, что обещала Игорю написать, когда буду дома. А сама сижу здесь с Антоном, совершенно потеряв счёт времени.

— Точно, — пробормотала я и поднялась со стула. — Я обещала ему написать.

Я прошла в прихожую и достала телефон из сумки. На экране действительно высветилось сообщение от Игоря.

«Ты уже дома?»

Я несколько секунд смотрела на экран, чувствуя себя немного неловко. Формально я действительно была дома. Просто дома оказалась не одна.

«Надеюсь, что всё в порядке. Напишу ещё утром. Доброй ночи, Кира.»

Необходимость отвечать отпала сама собой. Я ещё какое-то время смотрела на экран, потом всё-таки заблокировала телефон, положила его обратно в сумку и вернулась на кухню.

Антон стоял у раковины и споласкивал свою кружку. Я остановилась в дверях, невольно задержав на нём взгляд. Как же странно было видеть его здесь. На моей кухне, в моём доме, среди вещей, которые до сегодняшнего вечера никак не пересекались с моей рабочей жизнью. Он выглядел совершенно естественно. Будто уже давно знал, где стоит раковина, куда поставить кружку и какое полотенце можно взять. Удивительно, как хорошо он сюда вписывался.

— Ты чего там застыла? — Антон повернул голову и посмотрел на меня через плечо.

Я моргнула, поняв, что действительно уже несколько секунд стою в дверях и наблюдаю за ним.

— Ничего. Просто задумалась.

— О чём?

Он выключил воду, поставил свою кружку на сушилку и вытер руки полотенцем.

— О том, что ты слишком быстро освоился.

Антон хмыкнул.

— Я всего лишь помыл за собой кружку.

— Именно. Некоторые гости оставляют её на столе и считают, что это уже забота хозяина.

— Тогда я пока хороший гость.

— Пока, — повторила я и забрала со стола свою кружку с недопитым чаем.

Антон посмотрел на неё, но ничего не сказал. Я поставила кружку возле раковины и пошла следом за ним в прихожую. Он снял с вешалки пальто и расправил его на плечах, а я подняла с тумбочки свою сумку.

— Пасты у нас приготовить с тобой так и не получилось. Предлагаю компромисс. Я выбираю день, ты освобождаешь вечер, а ужин готовлю я. — сказал Антон, набрасывая пальто на плечи.

— А если у меня уже будут планы?

— Тогда скажешь, какой день свободен, — ответил он, будто вопрос был совершенно обычным. — Я тебя забронирую.

— Забронируешь?

— Да. — Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой. — А то ты, судя по всему, способна откладывать ужин с курицей бесконечно.

Я покачала головой, но спорить не стала.

— Завтра я занят, но в среду или в четверг мои вечера свободны.

— До среды, значит?

— До среды, — подтвердил Антон и открыл дверь.

Он вышел на площадку, а я проводила его взглядом, прежде чем закрыть дверь.

Когда в квартире снова стало тихо, я вернулась на кухню. Взгляд сразу упал на курицу, которую я так и не приготовила.

— Ну уж нет, — пробормотала я себе под нос.

Я открыла холодильник, достала контейнер с курицей и, немного подумав, убрала его обратно в морозильную камеру. Похоже, второго свидания с ней сегодня тоже не состоится.

Глава 6.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.